

Министерство культуры Омской области
Омский государственный литературный
музей имени Ф.М. Достоевского

ОМСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Тексты
Материалы
Исследования

Выпуск №4

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

Омск, 2017

Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования.

Вып. 4. / Сост. И.А. Махнанова, С.Е. Рудницкая. – Омск, 2017. – 97 с.

Четвертый выпуск собственного издания Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского посвящен 35-летию музея.

В него вошли материалы и исследования, подготовленные сотрудниками музея: В.С. Вайнерманом, О.Ю. Караваевой, И.А. Махнановой, О.Ю. Овчинниковой. Часть сборника посвящена писателю, краеведу И.С. Коровкину, а также включает эпистолярное наследие писателей, биографически и творчески связанных с Омском, В.Г. Уткова и Б.Г. Пантелеймонова.

Сборник рассчитан на всех, кто интересуется изучением литературы Сибири.

© Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского,
2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТЫ

Вайнерман В.С. Музейный ренессанс с продолжением	4
Новоселова Л.В. «Это было недавно, это было давно...» (воспоминания об Иване Семёновиче Коровкине с письмами и комментариями)	10
И.С. Коровкин – Л.В. Новоселовой	13
Из книги сказок «Суворушка», записанных от Анастасии Семёновны Кожемякиной, жительницы села Красноярское Омского района Омской области в 50-70-е гг. XX века, подготовленных к печати И.С. Коровкиным Суворушка	16
Иван и его Лебедушка-жена	27

МАТЕРИАЛЫ

Из переписки Виктора Григорьевича Уткова

В.Г. Утков – Л.Н. Мартынову	32
В.Г. Утков – М.К. Юрасовой	33
В.Г. Утков – И.С. Коровкину	34
В.Г. Утков – А.Э. Лейферу (рекомендация)	35
В.Г. Утков – Э.Г. Шику	37
В.Г. Утков – И.Ф. Петрову	43
В.Г. Утков – С.И. Веремею	57
С.И. Веремей – В.Г. Уткову	67

Из переписки Бориса Григорьевича Пантелеймонова

Б.Г. Пантелеймонов – И.А. Каблукову	69
Б.Г. Пантелеймонов – Н.П. Емельянову	70
Б.Г. Пантелеймонов – А.М. Ремизову	71
А.М. Ремизов – Б.Г. Пантелеймонову	711
Б.Г. Пантелеймонов – П.М. Бицилли	72

Караваева О.Ю.О пополнении музейных коллекций в 2017 году	73
---	----

ИССЛЕДОВАНИЯ

Овчинникова О.Ю.Комментарии к сказкам из книги «Суворушка»	76
Махнанова И.А.Лучившийся жизнью. Борис Пантелеймонов: дополняя образ	80

ТЕКСТЫ

Вайнерман В.С.

Музейный ренессанс с продолжением

В 2012 году, готовясь к 30-летию музея, я позвонил Александру Лейферу и попросил его написать статью для музейного сборника. Сказал, что сборник предпринимается впервые, что в нём будут материалы исключительно об истории музея.

– Да что я напишу, старик. Всего три года и отработал. Хотя... Эти три года я запомнил на всю жизнь. Нет, пиши уж сам, – задумчиво вымолвил Александр.

– У нас с тобой разные точки зрения на то время, на всё, что тогда происходило. Да и кто напишет, кроме нас? Никого уж нет. Надежда Собянина, Людмила Мартынова ушли из жизни. Кто остался? Ты да я, да мы с тобой... Девочки, работавшие по нескольку лет, тоже напишут, конечно. Но, думаю, нам с тобой нужно поднапрячься сильнее всех. Так что, Саша, большая просьба...

– Ладно, я подумаю, – ответил Лейфер.

В первом сборнике музея появилась его прекрасная работа¹.

Прошло всего пять лет – и вот уже не могу позвонить Александру Эрахмиэловичу. 28 июня 2017 года его не стало...

С Александром мы сделали всего две выставки: «Есениниану» (1980) и «Первые поступления в литературный музей» (1981). Затем началась большая, разноплановая работа над экспозицией Омского литературного музея.

Музей был открыт 28 января 1983 года. Принимать его приехала комиссия из Москвы. В неё входили ведущие сотрудники Государственного литературного музея, Института культуры РФ, представители Министерства культуры РФ. В начале следующего 1984 года мы получили сообщение, что по итогам 1983 года наш музей был признан лучшим по Российской Федерации.

Экспозиция по своим внешним признакам действительно была очень хороша. Строгая, почти вся чёрно-белая, лаконичная в использовании художественных средств, она позволяла посетителю любого возраста погрузиться в атмосферу давно прошедшего времени. Музей предлагал совершить путешествие по Московско-Сибирскому тракту вслед за А.Н. Радищевым, литераторами из декабристов и петрашевцев. Вместе с ними побывать в сибирских городах и посёлках. Вопреки суровой судьбе никто из ссыльных и даже каторжан из политических не озлобился и не ожесточился. Многие из них воспели в стихах и прозе Сибирь как новую

¹ См.: Лейфер А.Э. Почти три года, или ключевое слово «ТЭП». В сб.: Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. – Омск, 2014. – Вып.1. – С. 56-81

родину, восхищались её красотой и первозданной силой, её природными богатствами и людьми, свободными, не знавшими крепостного права.

Самый большой зал в той экспозиции был по праву отведён рассказу о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. Этот зал охватывал всю биографию великого писателя от рождения до смерти. Экспонатов было не так много, но, в первый раз проведя по этому разделу подряд пять экскурсий разного содержания, я, будучи причастным к его созданию, был удивлён качеству подбора музейного материала. Это же нужно таким образом подобрать музейные предметы, так их расположить, дать столько воздуха в воспроизведенном историческом и биографическом пространстве, чтобы можно было, варьируя имеющийся материал, выстраивать рассказ раз за разом совершенно иначе. Как будто речь идёт каждый раз совершенно о другом.

Как это возможно – провести по одному залу пять разных экскурсий? Оказывается, возможно. Например, когда преподаватель приводит пять десятых классов и сама слушает все экскурсии, повторяться не хочется, да и самолюбие не позволяет. Как это – твердить снова и снова одно и то же? Вот и приходилось придумывать. Конечно, главным героем оставался Достоевский. Но рассмотренный под разными углами зрения. «Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского» (обзор), «История произведений Достоевского», «Ф.М. Достоевский в окружении писателей своего времени», «Ф.М. Достоевский в сороковые годы XIX века и на каторге в Омске», «Личная жизнь Ф.М. Достоевского» ... Или, к примеру, экскурсия под названием «Достоевский. Трудности прочтения. Причины и следствия» ...

Всегда находился повод убедиться, что экспозиционеры (то есть Лейфер и я), создавая музей, очень грамотно выполнили свою работу.

В той экспозиции были, разумеется, и свои достоинства, и свои недостатки. Недостатки носили преимущественно технический характер. Они оказались весьма существенны, с ними пришлось бороться на протяжении всех лет работы первой экспозиции музея. Связаны они были с тем, что художник думал о создании музея как художественного произведения. О последующей эксплуатации музея должен был думать ведущий экспозиционер и требовать от художника учитывать в проекте технические параметры. Ведущим экспозиционером до июля 1982 года, был Александр Лейфер. Нужно было задавать трудные вопросы художнику-проектировщику, преодолевать его сопротивление, убеждать, доказывать. Увы, при всех талантах Лейфера он был никаким хозяйственником. Поэтому в его общении с художником возможности технического оснащения экспозиции не обсуждались. Сомнений у Лейфера не было, потому что он о свойствах батарей отопления, светильниках, устройстве вентиляции, температурно-влажностном режиме и многом другом, связанном с обеспечением сохранности и самой жизнедеятельности учреждения культуры не имел абсолютно никакого представления.

Но даже не о технической обеспеченности музея сейчас речь. В экспозиции был главный недостаток. В музее не было выставочного зала. А

что такое выставочный зал для музея? Если экспозиция – нечто постоянное, неизменное, создаваемое на годы, то выставки как раз и говорят о жизни музея и являются его жизнью. Выставки – это постоянно что-то новое, свежее, яркое. То, что привлекает посетителей и позволяет одному и тому же человеку по многу раз посещать музей.

Поскольку музей создавался как филиал музейного объединения, генеральный директор объединения Юрий Анатольевич Макаров недоумевал – зачем вам собственный выставочный зал? Он говорил, что под выставку может быть предоставлен выставочный зал в главном здании объединения – на улице Ленина, 23.

Но – где литературный музей, а где – Ленина, 23? Быстрым шагом пройти – минут пятнадцать. А зимой – и все двадцать пять. Не набегаясь. В музее на момент открытия всего три научных сотрудника вместе с заведующим отделом. При наплыве посетителей двое проводят экскурсии. Один – на выезде в школах. А на выставках в другом здании кто будет работать? Где взять смотрителя для присмотра за посетителями? Смотритель, кроме сохранности, заботится о том, чтобы включить-выключить свет, открыть-закрыть форточки, утром, открыв экспозицию, осмотреть её, а вечером снова осмотреть перед тем, как закрыть. А кто будет заниматься описанием музейных коллекций? А что с научной работой? С организацией посетителей? С участием в совещаниях, конференциях, презентациях и прочих важных мероприятиях?

Нет, выставочный зал на Ленина, 23 нас не устраивал. Что делать с таким образом спроектированной экспозицией, не учитывавшей главной потребности любого музея, мы не знали. Но, как говорится, жизнь всё расставила по своим местам.

Последний зал музея рассказывал о современных омских писателях. Омская писательская организация по возрасту своего создания была совсем молодая. Она возникла в нашем городе в ноябре 1962 года и незадолго до открытия литературного музея отметила своё двадцатилетие. Однако, будучи молодой по возрасту, организация была достаточно возрастной по своему составу. На уход из жизни каждого из писателей музей должен был откликнуться посмертной выставкой. Выставку хотелось бы сделать и к юбилеям писателей, и к выходу их новых книг. А где взять помещение? Тогда на одном из оперативных совещаний в музейном объединении я поставил вопрос ребром: разобрать зал современной омской литературы, ограничив тем самым хронологию литературных событий, освещаемых музеем, до 1962 года. А в освободившемся помещении устраивать сменные выставки. Руководство объединения, к счастью, меня поддержало.

И начался, по сути, золотой век музея!

В 1984 году первой в «новом» выставочном зале стала уникальная выставка работ замечательного омского мастера микроминиатюр Анатолия Коненко «Чудеса под микроскопом». В то время микроминиатюрой на всём пространстве СССР занималось всего несколько человек. Их искусство воспринималось как что-то чрезвычайно редкое. О микроминиатюристах

писали научные журналы, о них осторожно высказывались журналисты на страницах местных газет.

Анатолий Иванович представил самые удивительные свои работы. Под микроскопами можно было рассмотреть, как комары играют в шахматы, кузнечик пиликает на скрипке. В разрезе человеческого волоса лежала кованная золотая роза, а в игольном ушке разместился караван верблюдов. Поистине, «квалификационной» работой была подкованная блоха. Для микроминиатюриста выполнить работу, которой гордился лесковский Левша, было делом чести.

Кроме работ совсем крохотных, на выставке были представлены работы покрупнее. Например, портреты на рисовом зерне, работы маслом на крохотном кусочке мамонтовой кости. Были фигурные композиции, например, жук-носорог, закованный в кандалы. Портреты коменданта Омской крепости А.Ф. де Граве и текст Ф.М. Достоевского из «Записок из Мёртвого дома». Практически ко всем экспонатам той выставки на этикетках было написано: самая маленькая в мире.

Посетители выстраивались в очередь: чтобы рассмотреть каждый экспонат, нужно было склониться над микроскопом, постоять, рассмотреть, отойти, подойти снова... Выставка так понравилась омичам, что через пять лет, в 1989 году мы её повторили. И снова был аншлаг.

Успех нас вдохновил. Я разослал множество писем по литературным музеям страны. До начала 1990-х годов в музее побывали выставки из музея А.П. Чехова (Ялта), из музеев Ф.М. Достоевского (Ленинград), Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина (Москва). У многих в памяти осталась выставка графики замечательной художницы Нади Рушевой. Кроме привозных, мы открывали в этом зале и выставки из собственных фондов. Так, по два раза были представлены коллекция И.А. Синеокого «Есениниана» и выставка о замечательном поэте Тимофее Белозёрове «На ромашковой поляне». Практически все выставки оформил омский художник Александр Верёвкин. На «Есениниану» мы подвесили под потолок забор, собранный нами из изветшавших досок, совершенно точно помнивших время, когда жил и работал Сергей Есенин. Для выставки о Белозёрове художник нашёл приятную ткань светло-зелёного цвета с ромашками по всему полю. Для выставки «Спутники Пушкина» он придумал сделать оформление, поражающее воображение. Глядя на оформление стен, посетитель не мог понять, что это – камень? Какая-то особенная плитка? А это была всего лишь чёрная почтовая бумага, обработанная определённым способом.

О работе над несколькими выставками я уже рассказывал в небольших эссе, опубликованных в первом музейном сборнике («Про экстрим в Чёрном море, карандаш Чехова и «Вишнёвый сад в музее», «Женщина ли сотрудник» и других)².

²Вайнерман В.С. Записки директора музея. В сб.: Омский литературный музей. Тексты. Материалы. Исследования. – Омск, 2014. – Вып.1. – С. 82-132.

В начале 1990-х годов, думаю, многие ощутили на себе действие мощных сил, действовавших на разрыв. В мгновение ока распалась великая держава – Советский Союз. Прекратило своё существование и музейное объединение. Воспользовавшись этой ситуацией, я обратился с ходатайством в Главное управление культуры и искусства администрации Омской области с просьбой поддержать выход Омского литературного музея имени Ф.М. Достоевского из состава ОГОИЛ музея и придание нашему музею статуса самостоятельного учреждения культуры. Эта инициатива была поддержана начальником Главного управления культуры Ниной Михайловной Геновой, и с 1 января 1992 года среди учреждений культуры Омска появилось новое юридическое лицо – Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского.

Теперь мы могли самостоятельно формировать штатное расписание, бюджет музея, самостоятельно планировать свою деятельность. И хотя в то время собственной бухгалтерии у нас ещё не было, но заработанные средства мы могли, по заранее составленной смете, расходовать на приобретение необходимых товаров и услуг.

Однако – увы! – непростая ситуация в стране привела к тому, что командировочные расходы были сведены к минимуму, а оплата расходов по созданию выставок, особенно привозных, и вовсе была сведена «на нет». За выставками нужно было лететь или ехать. Каждый экспонат нужно было принять лично, подписать акты приёма до транспортировки. После завершения работы в Омске их нужно было отвезти обратно и также по актам сдать хранителям музеев. Нужны были средства на командировки. Хорошо ещё, что тогда не было необходимости оплачивать страховой сбор. Собственных средств в таком объёме у нас не было, а бюджетное финансирование нам на эти цели уже не предоставлялось. Выставочный Ренессанс конца 1980-х годов закончился.

Что было в том помещении потом? В 1990-е годы нужно было всем как-то выживать. И в бывшем выставочном зале мы открыли художественный салон, а рядом с ним, в крохотный маленький зальчик, пустили на постой...ломбард. Никаких особых предпочтений музей с этого не получал. Разве что, когда приходили в музей звёзды театра и кино, они могли себе что-то прикупить на добрую память. Там побывали и Валентина Толкунова, и Инна Чурикова, и Артём Боровик, и многие другие.

А затем пришло время для расширения деятельности. Мне удалось добиться введения в штатное расписание должностей главного хранителя фондов музея и создать полноценный отдел организационно-выставочной и методической работы. После выхода из объединения, в котором штатное расписание музея было штатным расписанием филиала, мы становились учреждением с грамотной организационной структурой. Должности нам предоставлялись с большим напряжением – ведь их назначение связано с увеличением фонда оплаты труда. А увеличение финансовых потоков в культуре всегда напрямую связано с общим состоянием дел в экономике региона и всей страны.

Во второй половине девяностых в том зале были построены самодельные перегородки, за которыми сидели сотрудники новых отделов, в том числе бухгалтерия в лице нашего первого главного бухгалтера Валентины Фёдоровны Петровской. Средств для проведения полноценного ремонта не было. Ко всему прочему в соседнем зале с целью обнаружения гипотетического подвального помещения под зданием был разобран пол и вынут грунт на глубину почти три метра. Через зияющий провал перекинуты мостки. Сотрудники и гости музея проходили по ним в санитарную комнату. Однажды один из литераторов даже упал, не удержавшись, с этих мостков. К счастью, внизу был песок, который в то время засыпали, чтобы потом утрамбовать и изнутри укрепить фундаменты здания. Провал со временем закрыли, настелили пол.

В начале двухтысячных, наконец-то, был произведен ремонт в этой части здания. Установлены перегородки, созданы настоящие кабинеты для сотрудников и для фондов музея, оборудованы хранилища для экспонатов. Однако проблема с выставочным залом оставалась, и решить её было по-прежнему невозможно.

После стремительной реэкспозиции музея в 2006 году выставки стали проводить на каждом свободном пространстве. В настоящее время это две стены в лекционно-концертном зале и одна стеночка с двумя шкафами во втором зале экспозиции. Надо сказать, что даже такие скромные площади позволили музею осуществить выставочные проекты, получившие положительную оценку СМИ, а, главное, наших посетителей. Это «Двадцать одна история из жизни Ф.М. Достоевского», «От “Бедных людей” к “Братьям Карамазовым”», выставка работ заключенных омских колоний «Жизнь в нас самих, а не во внешнем» и многие другие.

В настоящее время у музея появились конкретные перспективы получить выставочный зал в совершенно новом здании. Подписано соглашение между музеем и агрегатным заводом, согласованное рядом министерств и ведомств и утверждённое арбитражным судом. Соглашение предусматривает предоставление Литературному музею в здании гостиничного комплекса, возводимого на территории бывшего агрегатного завода с использованием части территории музея, помещения с отдельными входами площадью 500 квадратных метров для расширения экспозиционных площадей. В том здании разместятся экспозиция «Писатели-омичи», кабинеты сотрудников, будет новое современное фондохранилище. И, наконец-то, появится полнометражный выставочный зал.

Здание должно быть передано музею 31 сентября 2021 года. Его предстоит полностью «одеть», создать в нём экспозицию, оснастить оборудованием.

Новый музейный ренессанс – впереди!

«Это было недавно, это было давно...»

(воспоминания об Иване Семёновиче Коровкине с письмами и комментариями)

Конец октября 2017 года. Обычные редакторские заботы (увы! нечастые последние два года): работаем с С.П. Денисенко над очередным, 42-м выпуском «Складчины» – литературного альманаха Омского отделения Союза российских писателей. Традиционно завершает книгу раздел «Публикации» – в этом выпуске письма В.Г. Уткова А.Э. Лейферу. Море незнакомых и полужнакомых имён; упоминаются события вообще неизвестные современному читателю или основательно им забытые. Всё ли вошло в примечания? Проверка, проверка и ещё раз проверка. На 294-й странице глаз «выхватывает» в тексте имя и отчество без фамилии:

«8 февраля 1977 г. <...> Печальную новость получил я от Вас вчера поздно вечером. Так жаль Ивана Семёновича. Это был один из немногих в наше время – да и не только в наше – бескорыстных служителей литературе, святой человек, для которого кроме любимого дела ничего не существовало, который никогда не гнался ни за какими выгодами и преимуществами...».

Даже не заглядывая в комментарии, понимаю, о ком идёт речь, – об омском фольклористе, краеведе из Любинского района И.С. Коровкине. Его фамилия уже встречалась в одном из писем Виктора Григорьевича. Тогда он сожалел о нездоровье Коровкина и, высоко оценивая собранное им («большой и ценный материал»), высказал опасение за судьбу архива: «Если пропадёт всё, непростительно будет». Как грустно осознавать, насколько прав оказался Утков в своём предвидении. Конечно, пропало не всё (низкий поклон за это Александру Эрахмиэловичу Лейферу), но многое: бумаги и фотографии, «заполонившие» дом, оказались не нужны вдове, приготовившей их «на растопку», а пасынок Коровкина за бесценок сетками продавал редкие издания, книги с автографами авторов: нужны были деньги «на бутылку».

Впрочем, о судьбе наследия Коровкина уже рассказал в «Записках директора» В.С. Вайнерман в первом сборнике Омского литературного музея (2014). Думаю, на читателя произвела впечатление история о фотографии знаменитого французского писателя Ромена Роллана с его автографом на обороте, валявшейся в угольном сарае и спасённой от огня только благодаря настойчивости Виктора Соломоновича.

Дочитываю письмо Уткова, и неожиданно мелькает мысль: Ивана Семёновича не стало в день его рождения – 24 января, и в начале февраля Утков уже знает об этом, а я, учившаяся в это время в Москве в аспирантуре, о смерти Коровкина узнаю только летом, приехав в Омск на каникулы. А тогда, в январе 1977-го, я никак не могла понять, почему от Ивана Семёновича не пришла открытка к Новому году. Ведь с момента нашего

знакомства мы регулярно обменивались февральско-мартовскими, майскими, ноябрьскими и новогодними поздравлениями.

А виделись мы всего один раз – в августе 1972 года. Со студенческих лет меня интересовало народное творчество Прииртышья. За годы учёбы успела побывать в Тарском, Тевризском, Знаменском, Марьяновском, Москаленском районах Омской области. Став преподавателем педагогического института, начала собирать материалы по народному календарю для кандидатской диссертации. Я знала фольклорные сборники Коровкина, читала о нём в «Комсомольской правде» и даже видела посвящённую ему передачу по Центральному телевидению. Написала письмо на адрес Большемогильной школы, в которой Коровкин работал учителем истории, чтобы выяснить у Ивана Семёновича, нет ли среди его записей или в хранившихся у него материалах Н.Ф. Чернакова интересовавших меня сведений. Ответ пришёл неожиданно быстро... и содержал приглашение приехать и посмотреть самой. Через два дня я уже сидела за столом в доме Коровкина и просматривала тетради, блокноты, отдельные листки с записями текстов.

Конечно, и Коровкин, и Чернаков записывали обрядовые песни, но только сами тексты. Практически ни комментариев, ни уж тем более рассказов о календарных праздниках в материалах не нашлось. Тогда я и решила попросить Ивана Семёновича познакомить меня со здешними знатоками фольклора, чтобы заняться привычной для фольклориста полевой работой. Впрочем, с той (очень существенной) разницей, что не нужно было, как в обычных экспедиционных поездках, тратить время на поиски этих знатоков, упрашивать их, «входить в доверие»...

За почти три дня мы встретились с десятью жителями Большемогильного. Перелистываю свою тетрадь с записями: имена, отчества, фамилии, возраст, место рождения... Не помню ни одного лица, но зато, оказывается, обстоятельства, при которых появилась первая запись, память сохранила почти в деталях.

Яркое солнечное утро. Мы идём с Иваном Семёновичем по пустынной улице, на обочине в луже плещутся гуси, один стоит на берегу с вытянутой шеей. Я пытаюсь выяснить, как говорят в Большемогильном – вечерошные или вечеринные песни. Из переулка навстречу нам выходит немолодая полноватая женщина в чём-то тёмном, но со светлой косынкой на голове, здоровается с Коровкиным, поглядывая на меня, а тот после ответного приветствия безо всяких предисловий начинает говорить, кто я, зачем приехала, и... просит помочь – рассказать, как раньше вечерки проходили. И прямо здесь, «посреди дороги», Апросинья Амосовна после короткой вступительной фразы: «На вечерках играли, по полу ходили – песни пели, вечерошные» – начинает петь (слава богу, тетрадь с толстой обложкой – для «опоры» и ручка были наготове):

Ляжит сахар на полу,
Не ленива – подниму.

Сахар съела,
Песню спела –
Целовать дружка поспела.

И без перерыва – ещё вечерошная «Ох, кони-то берегом бегут», и опять с «целовком»:

Распоклонятсянизёшенько,
Поцалуютсямилёшенько,
как и последняя – про Катеньку, просившуюся «у родного тятеньки на улице погулять», и про её милóго, равного которому для девушки нет нигде:

Ни в Казани, ни в Рязани.
Очутился, проявился
В Тюкалинском городе,
Во Окуневском краю...

Тут я не выдержала – про «Окуневский край» спросила: как-никак «региональный компонент». Выяснилось, что эту песню пели в Окунёвке (тоже Любинский район), откуда Дьякова родом.

На моё счастье, с остальными знатоками фольклора я общалась всё же в избах и даже научилась, входя в дом, наклонять голову: притолоки традиционно были низкими. Правда, писать иногда приходилось «на коленке». Далеко не сразу я заметила, что Иван Семёнович ничего не пишет, но очень внимательно слушает. Вечером я предложила гостеприимному хозяину просто отводить меня, представлять и оставлять одну. Иван Семёнович удивлённо глянул на меня и вежливо отказался, поразив меня заявлением о том, что ему «интересно учиться», наблюдая, как я веду беседу.

Так мы и слушали воспоминания о «ранешних» праздниках, и перед нами «вырисовался» постепенно календарный год сибирской деревни. А начинался он со Святков: «В “страшные” вечера [святочная неделя от Нового года до Крещения] машкеровались бегали. Морду намажем сажей, бороду из кудели навяжем, шапку наденешь рваную, шубу вывернешь. Бывало, тётка Прасковья наворачиват, играт в заслонку, а мы пляшем. Прибаутки поют. Сумку наденем, дадут кто чо» (записано от коренной сибирячки М.И. Серебренниковой. «Наворачиват», «играт» – типичное для старожильческих среднеиртышских говоров стяжение гласных при утрате звука «й»). А на Новый год девушки ворожили: «Беремя дров схватишь, раскладываешь по парам. Выйдет пара – в этом году замуж пойдешь. А то за ворота выйдешь, ложку об столб стучаешь. Где собака залает, туда и замуж пойдешь» (М.П. Богданова).

С удовольствием, как всегда, у «родчих» сибиряков вспоминали про «Масленку»: «На Масленку деревня ломится песнями. Катались на лошадях. У нас не по-русски украшали: шлеи, сбруи, выездные дуги, хвост перевязуют одной ленточкой – тряпок не вешают... Уж вечер начинается, станет темнеть, откатаются старики – едут на кладбище прощаться. А молодёжь верхами. Мы натащим солому, зажгём: “Масло горит!”, а молодёжь что силы затаптывает. Вечером поужинаем и станем

прощаться. Есть сродственники, приходят и чужие. В ноги кланялись: «Прости, тятя!» – «Бог простит!»» (М.И. Серебренникова).

Благовещение, Егорьев день, Вербное воскресенье, Пасха, Троица, Иван Купальник, Ильин день... Каждый праздник имел своё «лицо», правда, у коренных сибиряков специальных песен для каждого праздника, как у «российских», не было. Но именно в Большемогильном мне удалось впервые записать (и не в одном варианте) весеннюю игровую «Кострома моя, Костромушка», а вечером накануне отъезда в одной из тетрадей Коровкина я обнаружила текст, изрядно озадачивший меня, – «Виноградье, красно-зелёноенаше» (для не фольклористов поясню: это севернорусская колядка – аграрно-магическая песня святочного обхода дворов. Мне неоднократно приходилось читать в специальной литературе, что в Западной Сибири «виноградья» не бытовали). Увы, в каком именно населённом пункте от И.М. Кубарева записана эта поздравительная песня, Иван Семёнович так и не вспомнил, но он был твёрдо уверен, что записал её в Омской области:

Ходим мы, походим, колядовщики,
Виноградье красно-зелёное наше!
Ищем мы, поищем государев двор.
Государев двор среди Москвы стоит,
Среди Москвы да середь ярманки.
Круг царска двора белокаменна стена,
А на той стене всё железный тын,
На каждой тынинке по маковке,
На каждой маковке по свечушке горит,
[По свечушке горит] воску яркого.
Сам государь – как светел месяц зашёл,
А сама-то государыня – как утренняя заря,
А малы детушки – как часты звёздочки³.

Так получилось, что почти ничего из большемогильских записей не было напечатано. Как тут опять не вспомнить строки из письма Уткова о Коровкине: «Как всегда, горькое сожаленье: как мало было сделано для него, как много упущено было» (Складчина. – 2017. – №42. – С. 294). Эта публикация – то небольшое, что могу сейчас сделать в память об Иване Семёновиче.

После поездки мы довольно регулярно переписывались, обмениваясь «фольклорно-литературными» новостями. Я посылала ему сборники со своими статьями, отправила по его просьбе номер журнала «Сибирские огни» с его публикацией; он прислал мне два издания сборника сказок его любимой сказительницы – А.С. Кожемякиной.

К сожалению, как часто бывает при переездах, ремонтах, сохранилось всего пять писем. Вот два из них

³Подробнее см.: Русский фольклор Сибири. Элементы архитектоники. Сборник научных трудов. – Новосибирск, 1990. – С.30. То же: Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры. – Новосибирск, 1997. – С.67, 471.

И.С. Коровкин – Л.В. Новоселовой

6/X-75 г.

Дорогая Людмила Владимировна!

К великому сожалению, никаких сведений об И.М. Кубареве у меня сейчас нет. Если удастся найти черновые записи и какие-нибудь сведения о нём, сразу вышлю. Только сомневаюсь, что скоро найду: бумаг уйма, многие в кладовке. Искать буду сразу, так как и самому нужно: готовлю сборник «Сказки, песни, пословицы, загадки». Вступит[ельную] статью согласилась писать Т.Г. Леонова⁴.

3/X в отделении Союза писателей обсуждалась рукопись составленного мною сборника из фольклорных записей Н.Ф. Чернакова⁵. Были Л.И. Иванов, В.В. Полторакин, М.П. Малиновский⁶ и Т.Г. Леонова. Решили, после некоторых испр[авлений] и дополн[ений], добиваться издания рукописи. «Маюсь» я с ней свыше трёх лет. В Зап[адно]-Сиб[ирском] изд[ательств]е отказались печатать, рукопись выслали в Дом нар[одного] тв[орчества], потом она долго лежала в Управл[ении] культуры, затем полтора года – в Обкоме партии.

Очень рад, что сдали экзамен в аспирантуру. Поздравляю! <...>

Моя сказочница А.К. Лукина скончалась. Сколько не записал от неё! Всё унесла!

Сердечный привет.

Ваш И. Коровкин.

⁴ Татьяна Георгиевна Леонова (род. в 1929 г.) – специалист в области народной культуры и фольклорно-литературных связей в Сибири. В 1975 г. – кандидат филологических наук, преподаватель Омского педагогического института, руководитель студенческого фольклорного кружка. Ею были изданы два сборника материалов студенческих фольклорных экспедиций (в составлении комментариев к текстам довелось принимать участие и мне в студенческие годы): «Народные песни Прииртышья» (Новосибирск, 1968) и «Фольклор Западной Сибири» (Омск, 1974).

⁵ Николай Фёдорович Чернаков (1891–1968) – краевед, собиратель сибирского фольклора, коллекционер, библиофил. С 1954 г. консультант Омского русского народного хора по фольклору. В 1955 г. часть собранного материала опубликовал в сборнике «Сказки, пословицы, загадки» (Омск). Сейчас собранное Н.Ф. Чернаковым хранится в Историческом архиве Омской области в фонде И.С. Коровкина.

⁶ В обсуждении сборника, кроме единственного фольклориста Т.Г. Леоновой, принимали участие три омских писателя-прозаика: Леонид Иванович Иванов (1914–1988), с 1962 г. возглавлявший Омскую писательскую организацию. В 1960–1970-е гг. вышли его роман «Сибирская новь» и сборник очерков «Хозяева»; Владимир Васильевич Полторакин (1918–2002) – участник Великой Отечественной войны, один из создателей Омской областной писательской организации, автор повести «Художники» (1957) и сборника рассказов «Самая короткая ночь» (1962). У Михаила Петровича Малиновского (1933–2010) к 1975 г. вышли книги «Память» и «Доверие». Он был литконсультантом при омской газете «Молодой сибиряк». По воспоминаниям В.П. Новикова, в 1970-е Малиновский при возникновении сложных вопросов в писательской организации старался «сглаживать трудности» (Найти себя в себе самом... (Воспоминания о писателе Михаиле Малиновском). – Омск, 2016. – С.10). Иванов и Полторакин были членами Союза писателей СССР, Малиновский будет принят в Союз в 1977 г.

В следующем, ноябрьском письме Иван Семёнович сообщает о том, что на ВТЭКе ему подтвердили II группу инвалидности, а поиски сведений о Кубареве не дали результатов; делится планами на ближайшее будущее – продолжить доработку многострадального сборника Чернакова в соответствии с рекомендациями, данными при обсуждении 3 октября, и написать примечания к новому сборнику. Об этом сборнике рассказывается в последнем полученном мною письме, написанном Коровкиным менее чем за три месяца до его кончины.

1/XI-76 г.

Дорогая Людмила Владимировна!

Мы переехали жить в Любино. <...>.

Корпею над двумя сборниками, один из них – сб[орник] сказок для детей «Суворушка»⁷; делаю лит[ературную] обработку сказкам. Получил на рукопись две рецензии: от Т.Г. Леоновой и А. Лаз. Коптелова⁸.

Очень хорошее письмо получил от Ал. Ив. Смердова⁹. Сейчас он, видимо, в больнице. Была передача об А.С. Кожемякиной¹⁰, готовили мы со Шпаковской И.А.¹¹ (Дом радио). Кожемякиной 11 ноября исп[олнилось] 88 лет. Но она ещё рассказывает сказки, вяжет варежки, носки.

Сердечный привет. И. Коровкин.

⁷Рукопись этого сборника сейчас хранится в архиве Омского государственного литературного музея им. Ф.М. Достоевского.

⁸ Обращение за рецензией на сборник сказок к Т.Г. Леоновой объясняется не только личным знакомством, но и более серьезными причинами: Леоновой приходилось записывать сказки, участвуя в фольклорных экспедициях пединститута сначала как студентка, а потом как преподаватель – руководитель экспедиции; её кандидатская диссертация была посвящена традициям русской народной сказки Сибири (1956).

Афанасий Лазаревич Коптелов (1903–1990) – автор, сотрудник, член редколлегии журнала «Сибирские огни» – издания, с которым И.С. Коровкин поддерживал постоянные контакты.

⁹ Александр Иванович Смердов (1910–1986) – поэт, переводчик, публицист, собиратель фольклора в Сибири, общественные деятель. С 1964-го по 1975 г. главный редактор журнала «Сибирские огни». В эти годы в журнале были опубликованы материалы, подготовленные И.С. Коровкиным: в №8 за 1969 г. письма П.Л. Драверта, в № 1 за 1975 г. письма М.В. Исаковского с вступительными замечаниями и примечаниями Ивана Семёновича. Судя по тому, что почти в каждом письме ко мне Коровкин что-нибудь сообщал о Смердове, переписывались они регулярно.

¹⁰ Анастасия Степановна Кожемякина – одна из лучших сказочниц Омской области, жительница с. Красноярское Омского района. За пять лет И.С. Коровкин записал от неё 40 сказок, две трети из которых волшебные, несколько десятков старинных песен, а ещё частушки, прибаутки, загадки. Большая часть сказок была Коровкиным опубликована в Западно-Сибирском книжном издательстве: «Сказки Омской области: записаны И.С. Коровкиным от А.С. Кожемякиной» (1968); 2-е, дополненное издание вышло под названием «Сибирские сказки» в 1973 г.

¹¹ Инна Антоновна Шпаковская (1931–2008) – редактор литературно-драматической редакции Омского радио. «Для неё в работе радиоредактора не было тайн, она была специалистом экстра-класса», – вспоминал А.Э. Лейфер, много лет сотрудничавший со Шпаковской в радиожурнале «Иртышские зори» (Складчина: литературный альманах. – Омск, 2016. – №1 (41). – С. 278).

**Из книги сказок «Суворушка»,
записанных от Анастасии Семёновны Кожемякиной, жительницы
села Красноярское Омского района Омской области в 50-70-е годы XX
века, подготовленных к печати И.С. Коровкиным**

Суворушка

Жил-был царь. У этого царя был сын Иван-царевич. Рос он не по годам, а по часам, как пшеничное тесто на опаре кис. Вырос, стал женихом. Сделал ему царь стрелу. «Иди, стреляй во чистом поле. Куда стрела полетит, туда свататься пойдем». Улетела стрела неведомо куда. Он пошел искать, нашел ее у Булата-молодца в тёмной темнице. «Отдай, Булат-молодец, мне эту стрелу». – «Выпусти меня из тёмной темницы, тогда отдам». – «А как?» – «Иди к кузнецу, пусть сделает мне пилку, я решетку у окна перепилю и убегу».

Пошёл Иван-царевич, сделал ему кузнец-цыган пилку, Иван-царевич отдал её Булату-молодцу, а взамен получил стрелу. Говорит Булат-молодец: «Будешь ты, Иван-царевич, несчастен из-за этой стрелы. Когда служба или нужда, ты скажи мне, я во всяко время буду с тобой».

Сказка скоро сказывается, время дивно минуется.

У царя пир-бал. Все советники, сенаторы, бояры были. Думу думали, советы давали, загадки загадывали. Один министр загнул загадку, никто ее не мог отгадать. Царь говорит: «У меня есть Булат-молодец, засажен на тридцать лет в тёмную темницу. Если отгадает, я его выпущу». И послал к нему слуг. Те пришли в темницу, а Булата-молодца там нет: решетка перепилена, пилка на окне лежит. Приносят её царю. Царь собрал всех кузнецов-молодцов, выстроил в ряд и стал спрашивать, кто эту пилку сковал. Один кузнец-цыган выскочил и говорит: «Эту пилку я сковал». – «Зачем ковал?» – «Твой наследник велел. Ты слуг своих посылаешь к нам, мы выполняем приказы, а как же наследника не послушаться?»

Жалко царю казнить сына, решил послать его в дальние города. Дал ему дядю на помощь и веселье, и поехал Иван-царевич с ним.

Скоро сказка сказывается, время дивно минуется. Может быть, они ехали долго. Заехали в другое царство. Иван-царевич пить захотел. Нашли они в камышах колодец. Говорит Иван-царевич: «Дядя, слазь в колодец, достань воды». А тот говорит: «Да, поехал из-за тебя на чужую сторону, да буду за тебя лезть, воды доставать». Иван-царевич спустился, напился, а вылезти не может. «Помоги мне вылезть». – «Залез, так и пропадай, – говорит дядя. – Пропадёшь – я назад ворочусь». Иван-царевич забыл попросить помощи у Булата-молодца. А дядя ему опять: «Если ты будешь дядей, а я Иваном-царевичем, то вытащу тебя». Иван-царевич согласился. Они по пальцу надрезали, по записке написали, друг дружке передали, и дядя вытащил его из колодца. Переменялись одеждой, пересели на коней и дальше поехали по другому царству. Заехали к царю в ограду. Царь вышел

встречать. Настоящего Ивана-царевича отправили спать на кухню, а названного взяли под руки, повели во горницу. Садят за столы дубовые, за скатерти браные.

Названный Иван-царевич не знает, как по-царски обойтись. Царь сказал: «Любимую дочь за тебя отдам – Александру-царевну».

В это время под их царство король начал подступать. Пишет он с угрозами: «Я приехал к царю не пир пировать, а пожениться, пусть он за меня отдаст Александру-царевну. Если он не отдаст, я их царство выжгу-выпалю, по царству мечом покачу и пепелок развею. Всех я в плен заберу, Александру-царевну неволей уведу».

Спрашивает царь у названного Ивана-царевича: «Будешь зять, воевать?» – «Буду. Только добро дело днем не делается, все ночью».

Вечер вечереет, солнце закатывается, названный Иван-царевич на кухню пробирается, падает перед Иваном-царевичем на коленки: «Я тебя прогневил, имя твое переменял. Ты, Иван-царевич, на это не осердись; послужи мне службу, победи короля. У этого короля силы полк».

Иван-царевич встает, выходит, свистнул по-богатырски, гаркнул по-молодецки, прибежал его добрый конь. Клад он на коня потнички, на потнички – коврички, на коврички – ковры сорочинские; подтягивал двенадцать подпруг шёлковых, вставал с достоинством, садился в седло черкесское, брал с собой меч-кладенец, копьё восточное (всё это перед окошками Александры-царевны), бил коня по крутым бедрам. Конь рассержается, выше лесу подымается, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. «Кабы на эту пору Булат-молодец!» И вдруг откуда-то взялся Булат-молодец: «Что тебе, Иван-царевич? Какая служба, какая нужда?» – «Нужно победить короля». – «А много у него силы?» – «Силы у него один полк». – «Ну это нам на один час».

Александра-царевна слушала их разговор под окошком.

Вот они поехали. Иван-царевич с левой руки, Булат-молодец – с правой. Секли – рубили, только самого короля не победили.

Приехали обратно. Александра-царевна их дожидала. Булат спросил у Ивана-царевича: «Весь целый?» – «Нет, у левой руки пальцев нет». Александра-царевна вышла и ему руку забинтовала.

Иван-царевич ушел на кухню спать. Сном богатырским спит трое суток, не пробуждается.

Царь еще сильнее возлюбил названного Ивана-царевича. Еще больше пьют да гуляют.

А король прибавил силы да опять начал подступать.

Пишет он: «Я приехал к царю не пир пировать, а пожениться. Пусть он за меня отдаст Александру-царевну. Если он не отдаст, я их царство выжгу-выпалю и мечом покачу и пепелок развею. Всех я в плен заберу, Александру-царевну неволей да увезу».

Опять спрашивает царь у названного Ивана-царевича: «Будешь, зять, воевать?» – «Буду. Только доброе дело днем не делается, всё ночью».

Вечер вечереет, солнце закатывается, названный Иван-царевич на кухню пробирается, опять падает перед Иваном-царевичем на коленки: «Я тебя прогневил, имя твое переменял. Ты, Иван-царевич, на это не осердись; послужи мне службу, победи короля. У этого короля силы два полка».

Иван-царевич встает, выходит, свистнул по-богатырски, гаркнул по-молодецки, прибежал его добрый конь. Клал он на коня потнички, на потнички – коврички, на коврички – ковры сорочинские, подтягивал двенадцать подпруг шёлковых, вставал с достоинством, садился в седло черкесское, брал с собой меч-кладенец, копье борзумецкое. Бил коня по крутым бедрам. Конь рассержается, выше лесу подымается, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. «Как бы на эту пору Булат-молодец!» И вдруг откуда-то взялся Булат-молодец: «Что тебе, Иван-царевич? Какая служба, какая нужда?» – «Нужно победить короля». – «А много у него силы?» – «Силы у него два полка». – «Ну это нам на два часа».

Александра-царевна слушала их разговор под окошком.

Вот они поехали. Иван-царевич с левой руки, Булат-молодец – с правой. Секли – рубили, только самого короля не победили. Приехали обратно. Александра-царевна их дождала. Булат спросил у Ивана-царевича: «Весь целый?» – «Нет, теперь у правой ноги пальцев нет». Александра-царевна опять услышала, вышла и забинтовала.

Иван-царевич ушел на кухню спать. Сном богатырским спит шестеро суток, не пробуждается.

Царь еще сильнее возлюбил названного Ивана-царевича. Еще больше пьют да гуляют.

А король еще прибавил силы да в третий раз начал подступать. Опять пишет он: «Я приехал к царю не пир пировать, а пожениться, пусть он за меня отдаст Александру-царевну. Если он не отдаст, я их царство выжгу-выпалю, по царству мечом покачу и пепелок развею. Всех я в плен заберу, Александру-царевну неволей увезу».

В третий раз спрашивает царь у названного Ивана-царевича: «Будешь, зять, воевать?» – «Буду. Только доброе дело днем не делается, все ночью».

Вечер вечереет, солнце закатается, названный Иван-царевич на кухню пробирается, падает перед Иваном-царевичем на коленки: «Я тебя прогневил, имя твое переменял. Ты, Иван-царевич, на это не осердись; послужи мне в третий раз службу, победи короля. У этого короля силы три полка».

Опять Иван-царевич встает, выходит, свистнул по-молодецки, гаркнул по-богатырски, прибежал его добрый конь. Клал он на коня потнички, на потнички – коврички, на коврички – ковры сорочинские, подтягивал двенадцать подпруг шёлковых, вставал с достоинством, садился в седло черкесское, брал с собой меч-кладенец, копье восточное. Бил коня по крутым бедрам. Конь рассержается, выше лесу подымается, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. «Как бы на эту пору Булат-молодец!» И вдруг откуда-то взялся Булат-молодец: «Что тебе, Иван-царевич? Какая служба, какая нужда?» – «Нужно победить короля». – «А много у него силы?» – «Силы у

него три полка». – «Ну это нам на три часа».

Александра-царевна слушала их разговор под окошком.

Вот они поехали: Иван-царевич с левой стороны, Булат-молодец – с правой. Секли – рубили, не только все войско, но и самого короля победили. Сняли с него королевскую корону, кресты, эполеты.

Приехали обратно, Александра-царевна не спит, все их дожидает. Булат спросил у Ивана-царевича: «Весь целый?» – «Теперь весь. Не знаю вот, куда девать королевскую корону, кресты и эполеты». Александра-царевна услышала, отворила окно, сказала: «Давай мне на сохранение, у меня целы будут». Отдал ей Иван-царевич и стал прощаться с Булатом-молодцом. Говорит Иван-царевич: «Из-за тебя страдать поехал, Булат-молодец». – «Из-за меня, Иван-царевич». – «Теперь нам больше с тобой не видаться». – Иван-царевич заплакал, и Булат-молодец заплакал. Распростились они, и пошел Иван-царевич на кухню спать. Сном богатырским спит девять суток, не пробуждается.

А названный Иван-царевич пошел и сказал, что победил и войско, и самого короля, и начал просить позволения жениться на Александре-царевне. Александра-царевна все знает, не хочет идти за него, всё причины находит: то платье не готово, то еще что-нибудь. Ждет, когда Иван-царевич пробудится. Царь сердится: «Человек воевал, а ты замуж не хочешь выходить».

Когда Иван-царевич пробудился, тогда у них свадьба учинилась.

Они собрались уже к венцу ехать, уселись за стол названный Иван-царевич и Александра-царевна. У царя все думники, советники, сенаторы, вся родня. Александра-царевна и говорит: «Вот, тятенька, маменька, и ты, Иван-царевич, вот у тятеньки вся родня тут, все думники, советники, сенаторы, бояры, а у тебя, Иван-царевич, один дядя, и того здесь нет». – «Да ну его, зачем его сюда». А царь: «Нет, нет, нет, надо его сюда».

Послал слуг, слуги привели его.

Ну настоящий Иван-царевич обходится по-царски, садится на лавку. Царь видит, что этот по-царски обходится. А Александра-царевна вылезит из-за стола, наливает чару полтора ведра вина, подает названному Ивану-царевичу: «На вот, выпей». А он взял и говорит: «Неужели я это полтора ведра чару могу выпить на единый дух». Он отпил маленько. Она долила чару и подходит к настоящему Ивану-царевичу: «На вот, Иван-царевич, выпей чару на единый дух». Он говорит: «Нужно настоящей голове подать». Она обернулась, подала эту чару родителю. Царь выпил. Потом она опять наливает, подает настоящему Ивану-царевичу, он говорит: «Подай матери». Она матери подала, та маленько попроведала. Александра-царевна долила, опять ему подает. Он говорит: «Покушай сама». Она малесенько испила, пошла, долила: «Ну, Иван-царевич, выпей на единый дух». Ну что, он богатырь, воевал, берет эту чару, поздравил: «С законным браком вас», – как опрокинул, так и выпил на единый дух.

И она тогда стала спрашивать у названного Ивана-царевича: «После

того, как ты воевал, весь целый приехал?» – «Весь целый». – «А ты, – говорит, – Иван-царевич, воевал, весь целый приехал?» Он снимает с руки перчатку, у него пальцев нету. И вот она опять спрашивает у названного Ивана-царевича: «Когда ты второй раз ездил воевать, весь целый приехал?» – «Весь». – «А ты?» Иван-царевич снял с ноги сапог: у него пальцев нет.

Она опять спрашивает у того Ивана-царевича: «Когда ты ездил в третий раз, так весь целый приехал и снял с короля корону, кресты и эполеты?» – Он говорит: «Весь целый; нет, ничего не снимал». – «А ты, Иван-царевич?» – «Весь целый. Королевскую корону снял, кресты и эполеты и принес».

Тогда она и говорит: «Вот, тятенька, не этот Иван-царевич, а этот. За этого я замуж и пойду».

Тогда царь спросил, названный Иван-царевич всё рассказал. Царь вывел его из-за стола, раздел, всё надел на настоящего Ивана-царевича, а того расстрелял. А с этим – веселым пирком да свадьбой, поженил Ивана-царевича.

Царских два советника стали злиться (царь с ними мало стал водиться), стали лихо думать. Думники, советники пошли к царю и говорят: «Иван-царевич похваляется достать свинку-золотую щетинку». Царь вызывает: «Иван-царевич, сослужи мне службу: приведи свинку – золотую щетинку. Если не приведешь, я тебя казню – повешу или в дальние города отошлю».

Он закручинился, запечалился, слезно заплакался, приходит к Александре-царевне. Александра-царевна спрашивает: «Что, Иван-царевич, закручинился, запечалился?» – «Ах, Александра-царевна, человек молодой на чужой стороне. Царь наложил службу: велит привести свинку-золотую щетинку. Где же я её найду? “Если не найдешь, то сказню или повешу”, – говорит». – «Ой, Иван-царевич, не кручинься, не печалься; погоди, я схожу к бабушке-задворенке, спрошу, не встречала, не видала ли она». Прибежала: «Бабушка-задворенка, не знаешь нашего горя-то?» – «Какое у вас горе?» – «Царь велит привести свинку – золотую щетинку. А где мы её возьмем?» – «Ой, да, дитя, я утром вышла на крылечко раненько, она ходит в заповедных-то лугах».

Ну вот, она прибегает домой, сказывает Ивану-царевичу. Иван-царевич взял веревочку, пошел в заповедные луга и нашел эту свинку, поймал, привел к царю. Царь возрадовался, еще сильнее полюбил Ивана-царевича, а этих думников совсем забыл.

А они вовсе стали зло думать. «Ваше царское величество, ваш зять похваляется достать сорокапегую кобылу, сорок пежин с пежинкой, каждая пежина по сорока рублей с полтиной».

И вот царь вызывает Ивана-царевича: «Сослужи мне службу, приведи сорокапегую кобылу, сорок пежин с пежиной, каждая пежина по сорока рублей с полтиной. Если не приведешь, я тебя казню – повешу или в дальние города сошлю». Он закручинился, запечалился, слезно заплакался. Приходит к Александре-царевне. Та спрашивает: «Что, Иван-царевич, закручинился,

запечалился?» – «Ах, Александра-царевна, царь наложил службу: велит привести сорокапегую кобылу, сорок пежин с пежиной, каждая пежина по сорока рублей с полтиной. Где же я её найду? “Если, – говорит, – не найдешь, то казню или повешу”». – «Ой, Иван-царевич, не кручинься, не печалься! погоди, я схожу к бабушке-задворенке, спрошу: не встречала, не видала ли она». Прибежала: «Бабушка-задворенка, не знаешь нашего горя-то?» – «Какое опять горе у вас?» – «Царь велит привести сорокапегую кобылу, сорок пежин с пежиной, каждая пежина по сорока рублей с полтиной. Где же мы ее возьмем?» – «Ой, да, дитя, я утром вышла раненько, она ходит в заповедных-то лугах».

Ну вот она прибегает домой, рассказывает Ивану-царевичу. Иван-царевич пошел в заповедные луга, нашел эту кобылу, поймал, привел к царю. Царь возрадовался, еще больше возлюбил Ивана-царевича. Стали веселиться.

Еще сильнее злятся два царских советника. Опять приходят к царю: «Ваше царское величество, ваш зять похвалялся вчор. “Если, – говорит, – наложил бы царь на меня службу, велел бы сходить нешто ни пошто, принести ничего”».

Вот он наказывает: «Иван-царевич, сослужи мне службу, сходи нешто ни пошто, принеси ничего. Если не сходишь и не принесешь, я тебя казню – повешу или в дальние города отошлю».

Иван-царевич закручинился, запечалился, слезно заплакался, приходит к Александре-царевне. Александра-царевна спрашивает: «Что, Иван-царевич, закручинился, запечалился?» – «Ах, Александра-царевна, человек молодой на чужой стороне. Царь наложил службу: велел сходить нешто ни пошто, принести ничего. “Если, – говорит, – не сходишь и не принесешь, я тебя казню – повешу или в дальние города отошлю”. Что же мне делать?» – «Ой, Иван-царевич, не кручинься, не печалься! погоди, я схожу к бабушке-задворенке, спрошу, куда идти и как доставать». Прибежала: «Бабушка-задворенка, не знаешь нашего горя-то?» – «Какое опять горе?» – «Царь наложил службу: велел сходить нешто ни пошто, принести ничего. Куда же идти и как доставать?» – «Нет, дитя, я это не слыхала». – «Где же он возьмет?»

Александра-царевна прибежала, расплакалась, напекла хлеба, засушила сухариков, сделала котомочку и проводила Ивана-царевича. И пошел он неизвестно куда путешествовать по белу свету.

Скоро сказка рассказывается, время долго идет. У него уж и сухарей не стало. Идет урманом, степью, никакая деревня не попадает. Хоть с голоду помирай.

И вот шёл-шёл и видит: стоит терем огромный в лесу, и он заходит в терем. Стоят столы дубовые, скатерти бранные, питва пьяные, что душа желает, всё тут есть. И он говорит: «Я сейчас поем». И вот он кусок возьмет – кусок другой кусок тащит, рюмку возьмет – рюмка другую тащит. Ничего есть не может. Тут и мясо жареное и жирнина, что душа желает. А есть не может. Стоит, глаза вылупил. Потом слышит – что такое? – шум, гам. Куда

деваться? Спрятался за печку, испугался. Тридцать три разбойника бегут, головами мотают, руками машут: «Дома ли Сувор, есть ли что у Сувора попить да поесть да позавтракать?» – «Вы што за спеськи, я и сам спесько. Беритесь за ковши, садитесь за столы да ешьте», – им за печкой кто-то отвечает, а никого нету. И вот тридцать три разбойника забежали, наелись, напились и убежали. А Иван-царевич видел, что они делали, и тоже выбежал, давай ногами топтать, головой вертеть, руками махать: «Дома ли Сувор, есть ли что у Сувора попить да поесть да позавтракать?» Кто-то отвечает: «Ты что за спесько, я и сам спесько. Берись за ковш, садись за стол да ешь». Иван-царевич руки вымыл, садится за стол и говорит: «Суворушко, садись со мной есть». – «Да что это за добрый человек. Я тридцать лет тридцать три разбойника кормлю, они меня ни разу за стол не созвали». Сел. И вот глядит Иван-царевич: кусок кусается, ложка хлебается, рюмка выпивается – ну всё естся, а человека нету. Разговаривает, а не видать.

Иван-царевич живет здесь, прохлаждается, как увидит, разбойники идут, прячется.

Вот и месяц прожил и давай Суворушку звать: «Суворушка, мне здесь надоело, пойдем со мной на мою сторону». – «А и правда. Ты для меня добрый. Они ни разу не приговорили меня, а с тобой я всегда наговорюсь». Ну и согласился идти.

И вот пришли разбойники, поели, ушли.

Иван-царевич говорит: «Ну я, Суворушка, собрался». – «Ну ты собрался, и я собрался». – «Ну я, Суворушка, за ограду вышел». – «Ну ты вышел, и я вышел». – «Ну я, Суворушка, далеко ушёл». – «Ну ты ушёл, и я ушёл». – «Ты, Суворушка, на меня бы сел». – «Да что ты, я и сам дойду».

Ну уж далеко ушли. Иван-царевич говорит: «Суворушка, я есть хочу». – «Ну ставь шатер». Иван-царевич поставил шатер, вбегает, ногами топает, головой вертит, руками машет: «Дома ли Сувор, есть ли что у Сувора попить да поесть да пообедать?» – «Ты что за спесько, я и сам спесько. Берись за ковш, садись за стол да ешь». Там уж стол дубовый поставлен, скатерть брана, питво пьяно – что душа желает. «Суворушка, садись». Суворушка сел: «Ты, Иван-царевич, не есть захотел, а хочешь проверить меня. Ну вот уверился».

Наелись, напились, собрал Иван-царевич шатер, и пошли дальше.

Скоро сказка сказывается, время долго идет.

Вот они шли, шли и дошли до синего моря. Иван-царевич говорит: «Суворушка, вон корабль бежит, давай созовем корабельщиков чай пить». – «Ну так что, зови».

Вот Иван-царевич шатер поставил, платком замахал, корабельщики увидали, подворотили, парус сбросили, вышли: «Что вам нужно?» – «Да вот пойдемте ко мне на чашку чаю». Ну пошли. Иван-царевич идет, руками машет, головой вертит, ногами топает: «Дома ли Сувор, есть ли что у Сувора попить да поесть, да позавтракать?» – «Ты что за спесько, я и сам спесько. Беритесь за ковш, садитесь за столы да ешьте».

Корабельщики заходят, глаза вылупили: кто-то у стены говорит, а человека не видать. А уж тут столы дубовые, скатерти бранные, питва пьяные, что душа желает, все кипит, все горячее, пар идет. Вот они умылись, садятся. Иван-царевич кричит: «Суворушка, садись». Суворушка стул тащит, садится, кусок кусается, ложка хлебается, рюмка выпивается – всё естся, а человека нету. Корабельщики глядят: что такое? И вот они разговорились, Иван-царевич рассказал им (Суворушка подталкивает: «Говори!»).

Корабельщики просят: «Ты, Иван-царевич, продай нам Суворушку». – «Нет, он у меня непродажный». А Суворушка шепчет: «Продавай». Корабельщики: «Хоть так продавай, хоть на рог меняй». Принесли этот рог и вот трясли-трясли, натрясли столько красноармейцев, что оком не оглянешь, и все с оружием. Иван-царевич говорит: «Как их взять, чем их кормить-то, этакую беду? Может, их мильон».

А они говорят: «Им никакой кормежки не надо». Взяли их обратно в рог утрясли.

И вот Суворушка шепчет: «Меняй Иван-царевич». А корабельщики спрашивают: «Как же его нести?» Суворушка шепчет: «Пускай несут ящик». Принесли ящик, открыли. Он полетал у них белым метлячком, они ящик закрыли. Вот Иван-царевич думает: «Теперь я, наверно, один остался». А Суворушка шепчет ему: «Да пошто один? Неужели я с ними поеду? Я с тобой остался».

Ну и вот они взяли рог, сняли шатер и пошли опять бережком.

Ну и кто их знает, долго ли, мало ли шли – неизвестно. Увидали корабль. Иван-царевич говорит: «Вон, Суворушка, корабль. Давай корабельщиков в гости созовем». – «Ну так что, зови». Иван-царевич шатер поставил, платком замахал, корабельщики увидели, подвернули, парус сбросили на берег. «Что вам нужно?» – «Да вот пойдёмте ко мне на чашку чаю». Пошли. Иван-царевич идет, руками машет, головой вертит, ногами топает. «Дома ли Сувор, есть ли что у Сувора попить да поесть, да позавтракать?» – «Вы что за спеськи, я и сам спесько. Беритесь за ковши, садитесь за столы да ешьте».

Корабельщики заходят, дивятся: кто-то у стены говорит, а человека нет. А уж тут столы дубовые, скатерти браные, питва пьяные, ну что душа желает: вина, жаркое.

Они умылись, садятся. Иван-царевич говорит: «Суворушка, садись». Суворушка стул несет, садится, кусок кусается, вилкой мясо тащится, рюмка выпивается, а человека не видать. Корабельщики глядят: что эта за штука такая. Ну, Иван-царевич всё и рассказал, что теперь хлопотать не надо, каждый день стол готовый.

Ну, корабельщики говорят: «Ты нам продай или променяй Суворушку. У нас есть меч-самосек и плётка-живулька». Пошли на корабль и принесли. Ну, товарищ говорит: «Меч-самосек, иди заруби товарища». Меч-самосек как пошел, так у него голова с плеч. «Плётка-живулька, иди оживи». Плетка-живулька как дошла, стеганула, так и голова приросла, человек живой стал.

Суворушка шепчет: «Меняй». А корабельщики спрашивают: «Как же его нести?» – «Да ящик нужно». Принесли ящичек, открыли. Он полетал у них желтым метлячком, они ящик закрыли, закинули его замком, понесли с собой.

Вот Иван-царевич умом думает: «Теперь я, наверное, один остался». А Суворушка: «Да пошто один? А я куда девался? С тобой».

Иван-царевич в котомку положил рог и топорик этот самосек, а плетку за ремень заткнул, был на нем синий халат.

И вот они пришли на родину Ивана-царевича в заповедный луг, где он хватал свинку и кобылу. Ну, и у них был ров тут, в нем была на тот свет дыра. Они у рва-то и остановились, поставили шатер. «Тут с тобой отдохнем, а потом царю сообщим», – сказал Иван-царевич, а сам уснул в шатре-то. А Суворушка стол убрал.

Два министра ходили в заповедных лугах. И говорят: «Что за шатер?» Вошли и видят Ивана-царевича. «Смотри, Ванька-то живой, домой идет; давай, – говорят, – мы его сейчас раскатаем и бросим в ров». Так и сделали, а сами пошли, ничего не тронули.

Ну, Иван-царевич как пошевелится, так глубже катится, всё глубже и глубже. И прокатился на тот свет, упал. А на том свете тропинка, он пошел по тропинке. А уж дума его о Суворушке. Подходит к царству. Там слышит шум, гам, слезы. Он подошёл и спрашивает: «Что это такое у вас?» – «Да вот, – говорят, – Идолище поганое все царство съедат. Последнюю дочь царя – Марфу-царевну повезли на съедение». – «А это, – спрашивает Иван-царевич, – что за человек едет?» – «А это её спасать едет. Спасет, то она за него замуж пойдет». – «А мне можно с ним сесть?» – «Пожалуйста, – говорят, – садись». И они на легкой шлюпке увезли их на остров и оставили им там лодку: из троих кто-нибудь останется в живых и приедет.

Ну, жених, который спасать-то приехал, залез на высокий-высокий дуб, чтобы его Идолище не достал. А Иван-царевич остался с Марфой-царевной на земле. Он говорит: «Марфа-царевна, поищи у меня в голове. А если я усну и сине море вскулубатся, тогда буди меня, только слезы не роняй на меня, а то силы убавишь».

Ну и вот сине море вскулубалось, она его разбудить не может, второй раз вскулубалось – не может, в третий раз вскулубалось – не может. Идолище вылазит – она заревела и слезу ему на щеку уронила. Он соскочил: «Ах, Марфа-царевна, вот у меня сколько силы убавила и щеку сожгла».

Ну и вот он разбежался, замахнулся и сразу все девять голов отрубил у Идолища и его напополам рассек.

А жених увидел, что Иван-царевич победил, стал с дубу слазить. И вот они сели в лодку и поплыли обратно в царство. Иван-царевич сел возле жениха, а сидеть не может: сон одолевает. А не спит, дремлет.

Когда сине море переехали, к берегу стали подплывать, жених из лодки-то его вытолкнул (заснул, стало быть, Иван-царевич). Марфа-царевна говорит: «Зачем ты его утопил?» А он ей на это: «Если скажешь, что я его

утопил, я тебе сейчас голову снесу. “А ты, – говорит, – так скажи царю: Идолище Ивана-царевича съел, а я победил”».

Ну и вот пришли... Марфа-царевна-то так и сказала царю.

Ну и жениху надо жениться, а она тянет, не выходит. Говорит: «Пойду на сине море, умоюсь». Пойдет на сине море, ищет, шарит и до потемок проходит.

До тех пор доходила, что царь рассердился: «Человек воевал, а ты не выходишь. Сегодня не отпущу». Она говорит: «Еще на один час схожу, приду и сразу пойдем к жениху».

И вот она пришла, ходила-ходила и до того времени доходила, что уж темно становится. И заплакала: «Теперь мне, – говорит, – его не увидеть и не похоронить».

И простилась, и стоит на берегу, плачет, уж ничего не видно.

И вдруг сине море вскулубалось, и волнами его выбросило кверху (на нём синенький халат, она увидела: что-то синее мелкнуло), зашла в сине море и достала Ивана-царевича (его уж стало песком замывать). «Ну, – говорит, – теперь хоть похороню его». А эта плетка у него за ремнем. Ей нечем больше хлопывать, она плетку выдернула и начала хлопывать с него песок. И он стал живой и говорит: «Ох, как я долго спал!» А она: «Не я бы, так ты бы век проспал». Он эту плетку подобрал и за ремень заткнул. Марфа-царевна взяла его за руку и повела к царю, к отцу. Привела и говорит: «Вот, тятенька, зачем я ходила на синее море умываться. Вот, – говорит, – не тот меня от смерти спас, а этот. Тот на дубу просидел». И всё рассказала. А царь на это взгневался: «Ты бы сразу сказала, мы бы его тогда достали». А она: «Мне приказ был не сказывать». – «Ну, Иван-царевич, будешь женихом. Я тебя сейчас на царство нацарю». – «Нет, не буду: у меня на том свете жена есть и дети». – «Ну тогда бери золота, скатного жемчуга». – «Ничего мне не надо. А как бы ты на тот свет мог вынести меня, больше мне ничего не надо». Царь говорит: «Есть у нас такие хитрецы, что вылазят на тот свет». Зовет их: «Вот этого человека вытащите на тот свет, я вас засыплю золотом-серебром, скатным жемчугом».

И вот они пошли Ивана-царевича выталкивать, и Марфа-царевна с горячими слезами проводила его, распростилась с ним. И его сию минуту хитрецы вытащили на тот свет.

И вот опять Иван-царевич из этой дыры ползет этим логом и говорит: «Дома ли Сувор, есть ли что у Суворы попить, да поесть, да позавтракать?» А сам горячими слезами заливается. А Суворушка тоже со слезами: «Ты что за спесько, я и сам спесько. Берись за ковш, садись за стол да ешь». Вдруг стол появился, а шатер уж весь изотлел. И вот Иван-царевич садится, говорит: «Суворушка, садись». Суворушка сел, а Иван-царевич стал плакать, рассказывать, говорит: «Я без тебя чуть не погиб». И Суворушка говорит, что тоже еле жив остался. Иван-царевич всё ему рассказал, что было с ним. Суворушка говорит: «Иван-царевич, больше отдыхать не будем?» – «Нет». А меч и рог тут лежат, никуда не девались. Иван-царевич берет рог, встряхает

двух красноармейцев, чтобы они шли к царю и сказали: пусть он выезжает немедленно с царицей и Александрой-царевной в заповедные луга, а Суворушку просит сделать опять шатер новый.

Ну, солдаты пришли обратно, он их в рог встряс.

Царь приезжает с царицей и с Александрой-царевной: «Да что же ты, Иван-царевич, так строго вызываешь нас в заповедные луга?» – «Надо вас». Бежит, головой вертит, руками машет: «Дома ли Сувор, есть ли что у Суворы попить да поесть, да позавтракать?» – «Вы что за спеськи, я и сам спесько. Беритесь за ковши, садитесь за столы да ешьте».

Царь с царицей и Александрой-царевной глаза вылупили. А уж тут стол дубовый, скатерть брана, питва пьяны – что душа желает, всё кипит, всё горит. «Суворушка, садись». Сели – видят: кусок кусается, ложка хлебается, рюмка выпивается – всё естся, а человека нету. Иван-царевич рассказал всё. Суворушка заливает [выдумывает] царю то, что Иван-царевич и не придумает.

Вот они отчаевали. Царь спрашивает: «Где это ты взял Суворушку-то?» – «Это взял – не факт. А вот у кого силы больше – у тебя или у меня?» – говорит Иван-царевич. «Давай попробуем» – отвечает царь. И тогда Иван-царевич натряс солдат столько, что в заповедные луга не входят, оком не окинешь. Царь ему говорит: «Ну чем ты их хочешь прокормить?» – «А никакой им кормежки не надо». Всех в рог утряс. «Ну-ка вот ты теперь всю свою силу сюда позови».

Царь уж подготовил ему. Приказал, чтобы все – стар и мал были в заповедных лугах.

Как словом, так и делом: все выехали, только половину заповедных лугов заняли. «Как это у тебя силы совсем мало». И говорит: «Меч-самосек, пойдь всех прируби». Царь молчит. Меч-самосек всех перерубил. Царь сидит и говорит: «Ах, Иван-царевич, что ты наделал, неужели моя сила тебе помешала? Зачем ты всех прирубил?» А он: «Что, тебе разве жалко их?» – «Да как же не жалко». – «Ну, плетка-живулька, пойдь всех оживи, только вон тех двух министров не тронь».

И она пошла: до которого дойдет, тот живым становится.

Всех оживила, а этих двух министров оставила, не потронула. «Ну что, испугался ты?» – спрашивает Иван-царевич. «Не только я испугался, вся сила-то моя испугалась. Ну, теперь пусть все по местам разъезжаются, и мы поедем домой».

Стали садиться в карету все. Иван-царевич говорит: «Суворушка, садись». – «Так неужели я от тебя отстану». Царь говорит: «А столы-то остались». – «А на что нам столы, мы наелись» – отвечает Суворушка.

Ну и приехали в царство, стали жить, живота наживать.

Иван и его Лебедушка-жена

Жил старик со старухой, у них детей не было. Дед всё ходил на охоту, а старуха занималась домашними делами. Один раз пошел на охоту и смотрит: птица – не птица, мышь – не мышь, что такое за зверь? Он хотел стрелять – она заговорила человеческим голосом: «Не стреляй в меня, милый человек, возьми меня лучше домой, корми зимой, я тебе хорошо заплачу». Ну, он потащил её домой. «Чем тебя кормить?» Она говорит: «Я всё буду есть: и зерно, и мясо». Он зерно скормил, стал падаль собирать, возил, кормил её. Она была голая, потом стала обрастать, стало перо на ней.

Ну, уж нечем кормить стало, птица говорит: «Пусти меня, я полетаю, может, я силы набралась». Он отпустил, она круг облетела, вернулась. «Нет, не могу, корми ещё». Он подумал, подумал, взял лошадь зарезал: «Может и будет что-нибудь». Скормил лошадь. Она опять говорит: «Отпусти, полетаю». Снова вернулась. «Нет, старик, еще корми». Он зарезал корову. Старуха ругается, а старик: «Взялся за гуж, так будь дюж». И корову скормил. «Теперь отпусти, я еще попробую полетаю». Полетела, а старуха ругается: «Всё пропало: и лошадь, и корова». – «Ну, что теперь сделаешь, может, и вернется».

Вот птица вернулась и говорит: «Ну, садись на меня, полетим за расплатой». Старик сел, полетел выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Долетели до моря, птица крыльями тряхнула и старика уронила в море. Потом опять подлетела, подхватила его и спрашивает: «Ну, как, испугался?» – «Испугался». – «Вот и я так испугалась, когда ты на меня ружье наставил».

Прилетают. Стоит дом серебряный. Они заходят в этот дом. Птица говорит: «Тут моя сестра живет». И рассказала сестре, как мужик её кормил, как спасал. Вот гуляют целую неделю. Птица говорит: «Ну, сестрица, расплатись за меня, отдай ему шкатулку». Она говорит: «Нет, шкатулки-то я не отдам». Тогда птица говорит: «Ну раз не отдает, полетим дальше». Только отлетели, этот дом загорелся, пламенем запылал. Они полетели дальше.

Летели, летели, стоит золотой дом. Вот они заходят в него. Там другая, младшая сестра живет. Она обрадовалась: «Где ты, сестрица, была, где ты пропадала? Мы думали, тебя живой нет». – «Да, меня ранили, и я чуть не погибла. Спасибо этот человек меня выручил. Ты, сестрица, заплати ему за услуги. Отдай ему шкатулку». – «Ладно, отдам». Попили, погуляли, птица говорит: «Я тебя сейчас за море провожу, и там сам улетишь домой». Проводила его за море, посадила на ковер-самолет и говорит: «Шкатулочку до дому не открывай».

Ну, он летел, летел, надоело лететь, спустился. «Что за шкатулочка? – говорит. – Может, пустая. Я думал, она мне денег даст, а она какую-то шкатулочку. Что в ней есть? Дай-ка открою». Открыл – и очутился город на этом месте. Такой богатый город, и он такой разодетый, купцом главным в этом городе. Вот он говорит: «Что же я наделал, зачем до дому-то не довёз. Что же я теперь буду делать?» Ходит по городу, повесив голову.

Встретила его – выползает из переулка – Баба Яга: «Что, добрый человек, голову повесил?» А он: «Иди, Баба Яга, от меня, мне не до тебя». Толкнул её ногой, сам пошел дальше. Она отбежала и с другого боку идёт к нему, опять говорит: «Я знаю твою беду и могу тебе помочь». Он снова толкнул её и пошел: «Иди от меня, не мешай думать». Ну, она в третий раз обежала, попадает ему навстречу. Говорит: «Отдай то, чего дома не знаешь, и я тебе соберу город». Он подумал, подумал: «Ну что у меня дома – одна изба да старуха. Ну бери, может, что и выйдет». – «Давай бумагу сделаем, и кровью своей подпиши». Сделали бумагу, он подписал, и опять всё в шкатулке стало. Он сел на ковер и полетел до дому.

Прилетел, его встречают жена и трехлетний мальчик. Он увидел мальчика и голову захватил руками: «Что я, дурак, наделал!» А старуха: «Что голову-то захватил. Ничего, наверно, не заплатила тебе?» – «Нет, старуха, заплатила, только радости мало». Открыл шкатулку, и появился город. Стали жить богато, он стал главным над этим городом, королем. Всего много, а он ходит невеселым. Этот мальчик растет, учат его. Большой стал. Однажды он бумагу эту нашел и прочитал. И говорит: «Ты что, папа, отдал меня кому-то?» Старик заплакал: «Да, сынок, отдал». Рассказал всё ему. А в бумаге было сказано, чтобы они доростили его до 17 лет (старик-то был неграмотный и подписал), и Баба Яга прилетит за ним. Назначено было число. Мальчик говорит: «Ну не горюй, папка, что будет. Благословите меня в дорогу. Я не боюсь ничего».

Ну, и пришло то время, они старухе рассказали. Родители попрощались с мальчиком. Кто-то постучал в окно. Он вышел на крыльцо, и только вихорь поднялся, он исчез.

Баба Яга принесла его к себе. «Вот у меня будешь жить и мне служить. Твоя работа – на охоту ходить, птицу убивать и кормить меня». Он это и стал делать.

Один раз пришел к морю и смотрит: прилетели три лебедушки. Разделись – стали девушки. Две вместе свою одежду положили, одна – поврозь. Сами стали купаться. Вот он потихоньку подкрался и у той, которая поврозь положила, украл одежду и спрятался за куст. Те вышли, оделись и полетели, а эта вылезла, и одеться не во что. Она туда-сюда – нету. Ну, наверно, кто-то стащил. И говорит: «Кто спрятал? Если старуха, то мать будешь, если молодая, то сестра, если старик, то отец, а молодой – жених будешь. Только отдай моё белье». Тогда он вышел. «А не обманешь меня?» – «Нет. Если дала слово, то не обману». Оделась и говорит: «Ну, пойдём к твоей матери». Пошли.

Приходят. Баба Яга радешенька. «У-у, у меня теперь и сношенька будет. Теперь я еще лучше заживу». Молодые и остались тут. Баба Яга улетает по своим делам, парень на охоту ходит, жена его готовит. Она, лебедушка, и говорит мужу: «Давай убежим отсюда, а то птицы не будет – она съест нас. Полетели к моему отцу».

Пришли к морю, она сделалась лебедушкой, а его – голубем, и

полетели через море. Перелетели море, она говорит: «Ты иди к моему отцу, наймись в работники. А я пока останусь тут, чтобы нас не заметили. Мой отец – кривой Ирахта» (это не отец, она тоже была утащена).

Ванюшка заходит к кривому Ирахте, поздоровался. Тот: «Куда идешь, добрый человек, куда путь держишь?» – «Иду куда-нибудь в работники наняться, кусок хлеба заработать себе». – «Ну, наймись ко мне. Мне конюха надо обязательно». – «Что ж, это можно». – «Хорошо будешь работать, я тебя женю, будешь жить у меня».

Отвели ему комнату для жилья. Он стал работать конюхом. Жена стала к нему приходить в комнату. Он ничего не делал, а на конюшне порядок был. Кривой Ирахта поставил его старшим конюхом. А эти конюхи стали роптать. «Мы сколько лет работаем, а он недавно поступил, и его главным поставили». Пришли к Ирахту и говорят: «Новый конюх похваляется обучить твоего жеребца» (а жеребец был такой, что боялись подходить к нему, за железной клеткой был прикован). Ну, вот Ирахта его вызывает: «Ты что хочешь жеребца моего обучить?» – «Нет, что вы, что вы! Я боюсь подходить к нему». – «Нет, раз обещал, должен обучить».

Вот он приходит домой и голову повесил. Жена спрашивает: «Что, Ванюшка, невесел?» Он рассказывает, какое дано задание. «Ну это, говорит жена, – ерунда. Это мы сделаем, там хуже будет. Скуй три прута железных в кузнице. Я могу и сама его обучить». – «Нет, я думаю у меня силы хватит». «Ну, – говорит, – садись на него, только бей меж ушей». Вывели этого жеребца десять человек, он садится на него, жеребец давай крутиться, а Ванюшка его меж ушей бьет. Один прут изломал, под шкуру заткнул. Когда другим стал бить, конь поднялся выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Иван другой прут поломал, меж шкуры заткнул. А третьим когда начал бить, конь стал ниже к земле спускаться. И третий избил, под шкуру заткнул. Привел его, он едва ноги тащит. Отдает его конюхам, сам пошел отдыхать.

На другой день вызывает его кривой Ирахта к себе: «Ну, – говорит, – молодец ты, силён, ловок, я за тебя свою дочь отдам». А сам лежит, стонет (это он был конем). «Я тебе покажу своих 12 дочерей, ты выбирай любую, а потом покажу в другом виде. Если узнаешь, то женишься на ней, а не узнаешь – отрублю тебе голову». Созвал всех девок, Иван сразу свою невесту выбрал. «Ну, ладно, – говорит Ирахта, – иди отдыхай. А завтра придешь узнавать, которая твоя невеста. А губа-то не дура у тебя, знал, кого выбирать-то. Ну, узнай, – говорит, – завтра её».

Иван пришел домой, жена говорит: «Завтра он нас в голубок обернет. И насыпет нам пшена. Они будут клевать, а я буду клевать и выбрасывать». Назавтра пришел туда. «Ну, – говорит Ирахта, – выполняй». Свистнул, прилетело 12 голубушек. Он насыпал пшена, они стали клевать и глотать зерно, а эта клонет и выбросит. Вот Иван ходил, ходил кругом. «Да вот эту, – говорит, – возьму, это моя». – «Ну, правильно. Готовься к свадьбе. Сделай церковь золотую, сделай серебряный мост и золотые перила, чтобы этот мост был от церкви до нашего дому и по обе стороны яблони; чтобы пошли в

церковь – яблони цвели, а из церкви пойдете, чтобы яблоки были готовы».

Ну, он пришел домой, задумался. «Это не служба, служба вся впереди. Ложись спать», – говорит жена. Назавтра она пробуждается, махнула платочком, всё сделалось: и церковь, и мост, и яблони. Он пошел и говорит: «Я выполнил твое задание. Благослови нас, мы пойдём к венцу». – «Нет, надо чтобы еще музыка была, такая музыка, чтобы живые лежали, а мертвые плясали». – «Што ты, где такая музыка есть?» – «Какое моё дело, ты должен представить. А не представишь – мой меч, твоя голова с плеч». Он пошел домой. «Ну где такую музыку взять, чтобы живые лежали, а мертвые плясали?» Жена говорит: «Есть за морем кузнец такой. Проси корабль, 30 человек и 30 пудов железа и отправляйся в путь, только не ошибись там. Будь мужчиной. Там я тебе не могу ничем помочь».

Вот он поплыл туда, взял людей, железо. А там кузнецом чёрт был. «Ну, что тебе надо?» – спрашивает этот кузнец. «Я хочу, чтобы ты мне музыку сделал, чтобы живые лежали, а мертвые плясали». – «А хватит у тебя людей?» – «Не знаю, может, и хватит».

Ну, принесли железо, стали ковать, одного матроса заставили ртом дуть. Он дул, дул и задремал. Чёрт оторвал ему голову. Говорит: «Давай другого». Другой дул, дул и тоже задремал. Он и этому голову оторвал. И так всем 30 пооторвал. Осталось дуть еще полтора пуда. «Ну, – говорит чёрт, – теперь сам дуй». Вот Иван дул, дул, полпуда отдул и тоже стал дремать. Чёрт спрашивает: «Что, дремлешь?» – «Нет, не дремлю, а думаю думаю». – «Какую думаю?» – «Вот думаю: лесу больше стоячего или лежачего?» Чёрт говорит: «Мне недолго сбегать посчитать». – «А ты, чёрт, и так должен знать». – «Нет, я побегу считать». – «А ты долго пробегаешь, считать будешь?» – «Полтора суток».

Чёрт побежал, а Иван лег спать. Пока тот бегал, Иван выспался. Прибегает: «Да, больше лесу лежачего. Ну, опять дуй». Иван опять дул, дул, полпуда отдул. Опять стал дремать. «Что, дремлешь?» – «Нет, думаю думаю». – «Какую думаю?» – «А людей больше мёртвых или живых?» – «А я сбегая посчитаю» (он тоже, наверно, устал). «А долго пробегаешь?» – «Двое суток». Иван опять выспался. Вот чёрт прибегает и говорит: «Больше людей мертвых, чем живых. Ну, последнее дуй». Иван додул последнее. Взял гармошку, заиграл, и все головы и тела запрыгали. Он пошел, они вслед за ним попрыгали на корабль.

Привозит Иван гармошку, заиграл – все мёртвые заплясали, а живые легли и лежат, наповал свалились. «Ну ладно, будем свадьбу делать», – говорит Ирахта. Когда молодые пошли венчаться, сады расцвели, а от венца – яблоки спелели.

Свадьбу отгуляли молодые пошли в свою комнату. Жена говорит: «Некогда спать, надо убегать на твою родину». Два снопа положили на койку, закрыли одеялом, слюни оставили на бумажке, чтобы они разговаривали, а сами побежали.

Ну вот на свадьбе ждали-ждали и говорят: «Что-то молодые не идут».

Слуги, идите будить их». Слуги пошли: «Что вы не встаете?» А слюни отвечают: «Поднимаемся». Пришли слуги, говорят: «Встают». Ждали, ждали, опять нет. «Идите, что долго нет». Второй раз отвечают: «Одеваемся». А третий раз слуги пошли, они сказали: «Собираемся». А потом уж всё выжохлось, никто не отвечает. Пошли, откинули одеяло, а там два снопа лежат. «Ах, это она уманила его! Давайте вдогонку!» Ну, слуги побежали, жена Иванова слышит, что бегут. Его сделала церковью, сама попом и обедню служит. Слуги прибегают: «Батюшка, не видал тут парня с девкой, не пробегали?» – «Нет, никого не было. 70 лет уж мне, и никого не видел и не слышал». Слуги обратно убежали. Прибегают, говорят: «Не догнали». – «А видели – нет кого?» – «Видели церковь и попа». – «Эх, вы, – говорит Ирахта, – везли бы попа (это они были), али хотя бы моху взяли от церкви, они бы здесь были. Бегите, догоняйте. Если попадет поп, везите его».

Вот, слуги бежали, бежали, а жена говорит Ивану: «Надо послушать». Сделала его копеечкой, сама – горностайкой. Приложила ухо к копеечке. «У-у, – говорит, – бегут обратно». Превратила его в коз, а сама сделалась стареньким пастухом, ходит, пасет. Слуги подъезжают, спрашивают: «Пастух, пастух, не видал ли парня с девкой, не пробегали ли?» – «Нет, не видал никого. Сколько лет пасу, никого не было». Слуги вернулись. «Нет никого. Пастух коз пас, а больше никого не видели». – «Ох, надо было пастуха взять сюда или пуху немножко, они бы здесь были. Придется самому ехать догонять». И сам помчался.

Вот они слышат, земля дрожит. «Ну, это он сам летит, надо спасаться». Сделала его рекой, а сама ершом. Вот кривой Ирахта добегает, сразу о землю ударился и сделался щукой и давай бегать за ершом, хотел проглотить. Щука говорит ершу: «Ерш, ёрш, повернись ко мне головой». А он: «Если ты, щука, хитра, возьми ерша с хвоста». Щука давай воду пить. Пила, пила и лопнула. Они побежали дальше.

И вот скоро его город. Жена говорит: «Ты иди к родителям, а я здесь останусь, только не забывай меня».

Иван пришел, родители обрадовались. Как они ни были богаты, всё равно были несчастны – о нём думали. Ну, гулять давай. Сразу подыскали ему невесту. Он уж забыл про ту. Стали свадьбу делать. Ну, а жена-то Иванова сделалась хорошим поваром, может к свадьбе приготовить. Отец Ивана поехал искать повара: богатая свадьба. Привезли её, она всего настряпала, состряпала голубя и голубку. Когда молодые и гости сели за стол, она всего наставила на стол. Потом пустила этих голубей и голубку. Они ходят по столу и говорят: «Забыл голубь про голубку, забыл голубь про голубку». Тогда Иван сразу вспомнил, соскочил из-за стола и говорит: «Вот эта моя жена. Не она, я бы никогда сюда не попал, на свою родину».

Ну, перед той извинились, а с этой стали свадьбу справлять. Сделали пир на весь мир.

МАТЕРИАЛЫ

Из переписки **Виктора Григорьевича Уткова**¹²

В.Г. Утков – Л.Н. Мартынову¹³

9/V – 45 г.

Дорогие Леонины¹⁴!

Поздравляю Вас с праздником Победы!

Встречаю его по дороге в Москву. От того радость моя ещё больше.

Привет и поздравления мои всем знакомым.

Желаю счастья, здоровья!

Виктор.

¹²Виктор Григорьевич Утков (11.04.1912 – 8.02.1988) – писатель, литературовед, краевед, библиофил, участник Великой Отечественной войны, член СП СССР (1975), заслуженный работник культуры РСФСР. Учился и работал в Омске, с 1945 года жил в Москве. Исследователь биографии и творчества П.П. Ершова, автор-составитель книги воспоминаний о Л.Н. Мартынове.

¹³Леонид Николаевич Мартынов (22.05.1905 – 21.06.1980) – поэт, переводчик, член СП СССР (1942). Учился и работал в Омске, с 1946 года жил в Москве. Автор мемуарных книг об Омске – «Воздушные фрегаты», «Черты сходства», «Дар будущему».

¹⁴Виктор Григорьевич в обращении объединил имена адресатов – Мартыновых Леонида Николаевича и его супруги Нины Анатольевны.

В.Г. Утков – М.К. Юрасовой¹⁵

12 января 1958 г.

г. Москва

Уважаемая Мария Климентьевна!

Отвечаю на Ваше любезное письмо с некоторым запозданием. Был занят работой над павлодарскими материалами.

Большое Вам спасибо за фотографию стенда. Библиотеке имени Пушкина можете сообщить, что я повторю свой подарок, украденный на выставке. Вообще же о библиотеке этой у меня остались самые хорошие воспоминания, я много работал в ней и мне там всегда охотно помогали. Кстати, как отметили пятидесятилетие библиотеки? Неужели забыли?

О Вашей книжке я еще раз говорил на обсуждении плана издательства «Советская Россия». Выступая по плану с предложениями, я в числе ряда книг, выпущенных областными издательствами и на мой взгляд могущих быть переизданными «Советской Россией», назвал и Вашу. Было это в декабре прошлого года.

Как продвигается работа над Ремезовым? Скоро ли завершите?

Вы, наверное, уже получили письмо от Сергея Николаевича Маркова из Алма-Аты. Он писал мне, что ему понадобилась книжка – М.К. Юрасова «Очерки по истории Омска». Об этой книге он узнал, как пишет, случайно и т.к. он сейчас работает над романом о Валиханове, а Валиханов тесно связан с Омском, то, естественно, Ваша книга ему понадобилась. Я сообщил ему Ваши позывные и посоветовал написать Вам. Думаю, что я не погрешил против Вас? А?

По Вашей просьбе посылаю Вам несколько снимков с Павлодара. Отпечатки не очень качественные. Если нужно будет Вам лучшие, напишите, при случае напечатаю. Пленки с Иртыша (путь от Павлодара до Омска) еще не печатал. Среди них есть очень хорошие снимки. Кстати, как дела с Вашей Иртышской книжкой? Что-то она застряла. А нужда в такой книге немалая.

Поздравляю Вас с Наступившим Новым годом и желаю всего самого хорошего в этом году – здоровья, успехов, счастья.

С приветом

В. Утков (автограф).

¹⁵Мария Кли(е)ментьевна (Иоффе) Юрасова (27.12.1913 – 28.01.2003) – писатель, краевед. Окончила Харьковский университет. Эвакуирована зимой 1941–42 годов Омск, где прожила до конца дней. Автор книг по истории сибирских городов, Омска, Омской области.

В.Г. Утков – И.С. Коровкину¹⁶

25 ноября 1972 года.

Дорогой Иван Семенович!

Давно не получал от Вас вестей, да и сам тоже давно не писал Вам. Как Вы живете, что поделываете?

Я по-прежнему много работаю и много езжу по стране. Только что вернулся из Молдавии, в среду улетаю в Алма-Ату, а оттуда в Ташкент.

Упорно тружусь над второй книгой «Рожденного...» – она называется «В поисках Беловодья». Уже виден конец. Это будет, мне кажется интересная книга, действие происходит там в Петербурге, Тобольске, Казахстане, Синцзяне, на Алтае. Там будут и Пушкин и Бенедиктов, Гребенка, Тимковский и много других персонажей, а также, конечно, и герои «Рожденного» – Ершов, Марфа, Иванушка, Демьян, Татьяна и др.

В этом году вышла у меня небольшая книжка в Свердловске. Ее я и посылаю Вам. Буду рад, если она заинтересует Вас и Ваших учеников.

Пишите, дорогой Иван Семенович.

Дружески жму руку и желаю самого лучшего.

Ваш

В. Утков (автограф).

¹⁶Иван Семёнович Коровкин (24.01.1919–24.01.1977) – краевед, собиратель сибирского фольклора, учитель русского языка и литературы, создатель школьного музея в селе Большемогильное Омской области. См. публикацию Л.В. Новосёловой в данном сборнике.

В.Г. Утков – А.Э. Лейферу (рекомендация)¹⁷

За творчеством Александра Эрахмиэловича Лейфера я слежу уже много лет. Это несомненно одарённый писатель, успешно разрабатывающий свою тему – тему о замечательных людях Зауралья, чья общественная, культурная и научная деятельность оставила заметный след в истории нашей Родины.

Книги и журнальные публикации А. Лейфера всегда основаны на глубоком изучении архивных источников и редких, а, порой, забытых печатных материалов.

Его книга «Сибири не изменю. Страницы одной жизни», изданная в Новосибирске в 1979 году, рассказывает о замечательном поэте и ученом П.Л. Драверте, чье литературное творчество (стихи, рассказы, очерки) не потеряли интереса и для современного читателя, а научные изыскания представляют интерес для современной науки, в частности космологии.

В книге «Прошлое в настоящем» (Омск, 1984) наряду с очерками о сибирском периоде жизни Ф.М. Достоевского, о судьбе замечательного исследователя Средней Азии казаха Чокана Валиханова, А. Лейфер поднимает новые, мало известные и неизвестные материалы о передовых людях прошлого, связанных с Ф.М. Достоевским – об А.И. Сулоцком, М.С. Знаменском, Н.К. Крыжановской и других. В этой же книге содержится очерк об известном путешественнике, основателе Омского краеведческого музея М.В. Певцове, очерк об А.Ф. Палашенкове, нашем современнике, оставившем заметный след в общественной и культурной жизни Западной Сибири 1930-1960 гг., материалы, публикуемые впервые, об одном из первых сибирских книготорговцев А. Александрове и о художнике, иллюстраторе первого сибирского издания «Конька-Горбунка» П.П. Ершова – Е. Крутикове.

Книга «Прошлое в настоящем» характерна тем, что автор в ней улавливает связи минувшего с современностью, делает это убедительно, основываясь на документах, рассказывает об этом живо и доходчиво. Книга является вкладом в изучение важного вопроса о связи времен, на конкретном, ранее не изученном материале. Написана книга хорошим литературным языком, читается с интересом.

Несомненным свидетельством серьезной писательской работы А. Лейфера является комментарий и послесловие к тому художественных и документальных материалов, относящихся к сибирскому периоду жизни Ф.М. Достоевского, изданных в 1981 году Иркутским книжным издательством – «Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома. Письма из Сибири. Воспоминания современников. Документы». В этой работе А. Лейфер проявил себя вдумчивым исследователем жизни и творчества

¹⁷ Александр Эрахмиэлович Лейфер (27.12.1943 – 28.06.2017) – писатель, литературовед, краевед, член Союза российских писателей (СРП), председатель Омского отделения СРП, один из создателей Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского, редактор газеты, сборника, альманаха «Складчина». См. публикации В.С. Вайнермана, Л.В. Новосёловой в данном сборнике.

великого русского писателя, зрелым литературоведом.

Считаю, что А.Э. Лейфер вполне может быть принят в члены Союза Советских писателей.

Член Союза писателей СССР,
членский билет №01731,
В.Г. Утков (автограф).

В.Г. Утков – Э.Г. Шик¹⁸

13 июня 1983 г.

г. Москва

Уважаемый Эдмунд Генрихович!

Посылаю два экз. моего выступления на «Мартыновских чтениях».

Не могу возражать, если Вы предложите моё выступление «Сибирским огням», как Вы сообщили мне по телефону, хотя и не очень уверен, что редакция им заинтересуется.

Еще раз хочу выразить Вам свою глубокую признательность за все те хлопоты, которые выпали на Вашу долю и на долю Ваших товарищей по организации таких дорогих для меня и для всех кто любит творчество Л. Мартынова «Мартыновских чтений» и всего сопутствующего им.

Передайте мой сердечный привет С.Н. Поварцову и В.М. Физикову.

С искренним уважением

В. Утков (автограф)

27 октября 1983 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Прежде всего поздравляю Вас и Ваших близких с Октябрьскими праздниками и желаю самого доброго. Я только что вернулся из командировки в Кишинев, где пробыл 10 дней, читая лекции, встречаясь со старыми знакомыми и знакомясь с новыми и в меру наслаждаясь превосходным молдавским вином. Думаю, что Вы одобряете мое поведение... А я не прочь, если бы Вы и разделили его со мной...

Поварцов пишет мне, что в сборнике по «Мартыновскому чтению» нет моего материала. Так ли это? Я послал Вам два экземпляра. Если же оба ушли в «С.О.», то сообщите, я немедленно вышлю еще один экземпляр.

Что у Вас нового? Есть ли что-либо на выходе?

Передайте мой привет Вадиму Михайловичу Физикову. С.Н. Поварцову я написал...

Сердечный привет,

Ваш

В. Утков (автограф).

ОГПИ им. А.М. Горького, кафедра литературы
тов. ШИКУ Э.Г.

Глубокоуважаемый Эдмунд Генрихович!

Высылаю по два экз. перепечатанной статьи «Поэмы Леонида

¹⁸Эдмунд Генрихович Шик (10.11.1930 – 02.06.2002) – преподаватель, литературовед, литературный критик, краевед. Кандидат филологических наук (1963), профессор (1991), член Союза российских писателей. Автор публикаций и книг о сибирской литературе.

Мартынова» и приложений к ней – выпечатанные сноски и стихи из текста статьи.

Прошу уведомить меня о получении.

С искренним уважением

В.Г. Утков (автограф).

21 ноября 1983 г.

г. Москва

Уважаемый Эдмунд Генрихович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам (на домашний адрес) два экземпляра моего выступления на чтениях.

Прошу Вас сообщить мне о получении текста выступления и о дальнейшей судьбе его.

Как обстоят дела с подготовкой к 80-летию Л.Н. Мартынова? Создана ли комиссия? Есть линаметка плана?

У нас легла зима. Открыл лыжный сезон. Много работаю. Передайте мой привет С.Н. Поварцову и В.М. Физикову.

Сердечный привет от меня и по просьбе Г.А. и Л.В. – от них.

Жму руку

В. Утков (автограф).

27 декабря 1983 г.

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Примите мои новогодние поздравления и самые добрые пожелания Вам и Вашим близким.

Вероятно, уже началась подготовка к чтениям 1985 г.? А как обстоит дело с рукописью «Чтений-83»? Наверное, ходит по министерским кабинетам?

Сочувствую Вашим хлопотам по «уборочной» и «посевной» противоестественно совмещенных. Но надеюсь, что Вы – могучий мужчина – блестяще справитесь со всеми трудностями.

Зима нас пока еще милует – только дня два легонько морозит и балует снежком, а то была слякоть... Рассчитываю скоро встать на лыжи.

Желаю самого лучшего,

Ваш

В. Утков (автограф).

2 ноября 1984 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Рад получить от Вас весточку и рад тому, что Вы снова на боевом коне – в действии и в труде. Впрочем, я и не сомневался, что так будет...

Поздравляю Вас и Ваших близких с наступающим праздником и желаю

самого доброго...

А теперь о делах.

1. Статью немедля перепечатаю и рассчитываю выслать Вам два экземпляра не позднее понедельника. Пошлю на адрес института.

2. По поводу статьи В.Б. Шепелевой. С С.Н. Поварцовым, насколько я знаю, Г.А. говорила о стихах, присланных в «Новый мир», которые были переданы ей редакцией журнала для заключения. По поводу этого материала в Омский архив было послано письмо за подписью Л.И. Лавлинского (председатель комиссии по литер. наслед. Л.Н. Мартынова) и Г.А. Суховой.

Материал, который должен идти в сборнике и автором которого является В.Б. Шепелева, Г.А. не видела, не видел его и я. Поэтому иметь какое-либо суждение о нём я не могу, да и собственно, если материал не вызывает у Вас сомнений, то почему я или Г.А. должны возражать против его публикации?

Я сразу же после получения Вашего письма позвонил Г.А. и она сказала, что ответит Вам сама.

И Галина Алексеевна и Лора просили меня передать Вам самый горячий привет и самые хорошие пожелания... Что я с удовольствием и делаю.

Жму Вашу могучую руку,
желаю здоровья, плодотворного труда
и успехов, Ваш (без автографа)

5 ноября 1984 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Сегодня выслал заказным письмом два экземпляра статьи, заново перепечатанной, и два экземпляра приложений (сноски и стихи), как Вы просили. Выслал в адрес института.

Г.А. Вам уже послала письмо с ответами на Ваши вопросы.

Желаю самого доброго,
сердечный привет,
жму руку

В. Утков (автограф).

P.S. Уведомьте о получении статьи. В.У.

28 апреля 1985 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Примите мои сердечные поздравления со *светлыми* майскими праздниками и самые добрые пожелания, Вам и Вашим близким.

Будьте здоровы и счастливы, отбрасывайте прочь всяких скорпионов, которые имеют обыкновение впиваться в наши сердца и тела...

Надеюсь встретиться на чтениях...

Черкните, как Ваши дела...
Ваш
В. Утков (автограф).

14 сентября 1985 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Одновременно с этим письмом посылаю заказной бандеролью на Ваш домашний адрес два экземпляра моего выступления на чтениях 1985 года.

Прошу сообщить о получении.

Галина Алексеевна и Лора просили меня передать Вам привет, что я иделаю с удовольствием...

Сердечный привет Людмиле Леонидовне.

Желаю самого доброго,

Ваш

В. Утков (автограф).

8 ноября 1985 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Обращаюсь к Вам с одной просьбой – не сможете ли Вы посодействовать мне в получении еще 10-15 экз. институтского сборника «Проблемы творчества Л. Мартынова». Полученные мною ранее, я уже все роздал, разослал по стране, понадобились еще. Высылать мне нужно наложенным платежом по домашнему адресу.

Над чем Вы сейчас работаете? Если я в чём-либо смогу Вам помочь – обращайтесь без стеснения. Буду только рад...

Галина Алексеевна и Лариса передают Вам и Людмиле Леонидовне праздничные поздравления и приветы. Я присоединяюсь к ним и желаю Вам и Людмиле Леонидовне самого доброго...

Жму руку,

Ваш

В. Утков (автограф).

27 ноября 1985 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Есть к Вам одна просьба – посодействуйте мне в получении десяти (10) экземпляров сборника «Проблемы творчества Л. Мартынова» (Омск, 1985). Если это возможно – шлите сборник на мой домашний адрес наложенным платежом.

От многих моих корреспондентов я получаю хорошие отзывы о сборнике и всё, что было у меня, я уже разослал. Очень огорчает, конечно, поступок Кошелевой, но весь сборник от этого не теряет ценности.

Извините за хлопоты. Желаю Вам самого доброго.

Ваш

В. Утков (автограф).

26.12.85 (открытка, по штемпелю на конверте)

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Новости Ваши, конечно, не радуют. Но помните мудрость – всё проходит. Останутся позади и эти неприятности...

Вот и хочу я пожелать Вам и Людмиле Леонидовне на Новый год только самого доброго. Пусть неприятности останутся в старом году, а Новый принесёт Вам новые радости, завершение начатых работ, и, конечно, здоровье.

Сердечный привет

В. Утков (автограф)

Апрель 1986 (открытка)

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Примите мой сердечный привет и поздравления со светлыми майскими праздниками.

Поклон – Людмиле Леонидовне и самые добрые пожелания.

Ваш привет я передал Г.А. и Лоре – они просили меня передать Вам и Л.Л. сердечные поздравления.

Крепко жму руку, Ваш

В. Утков (автограф)

18 ноября 1986 г.

г. Москва

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Спасибо Вам сердечное за книжку и одновременно с этим мои искренние поздравления с ее выходом. А небольшой тираж – только повышает ее ценность...

Послезавтра уезжаю в Кострому, там будут торжества по поводу 80-летия со дня рождения С.Н. Маркова. Запланировано мое выступление. И, хотя очень много работы, но всё же нужно съездить, тем более, что в Костроме я ни разу не бывал, а город интересный и в судьбах России весьма важный...

Работаю много, жду снега, чтобы начать лыжные прогулки, очень они нужны...

Приветы Ваши Г.А. и Ларисе – передал по телефону. Они плодотворно трудятся. Мой поклон Людмиле Леонидовне, а также ей и Вам от Г.А. и Ларисы...

Жму руку,

Ваш
В. Утков (автограф).

21.12.1986 (открытка, дата по штемпелю)

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Шлю Вам и Людмиле Леонидовне сердечный Новогодний привет и самые добрые пожелания.

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш

В. Утков (автограф)

Октябрь, дата неразборчиво (открытка)

Дорогие Людмила Леонидовна и Эдмунд Генрихович!

Примите моё сердечное поздравление с праздником Октября и самые добрые пожелания.

По-прежнему работаю много, отдыхаю мало.

Ваш

В. Утков (автограф).

28.12.1987 (открытка, по штемпелю)

Дорогой Эдмунд Генрихович!

Примите мои сердечные поздравления с Новым годом и самые добрые пожелания Вам и Людмиле Леонидовне.

Желаю здоровья, успехов, творческих радостей.

Дружески,

В. Утков (автограф)

В.Г. Утков – И.Ф. Петрову¹⁹

11 сентября 1983 г.

г. Москва

Уважаемый Иван Федорович!

Письмо Ваше с газетной вырезкой – получил. Вторую газетную вырезку – не посылайте, она у меня уже есть.

Одновременно с этим письмом запакую Вам две моих книжки. Одна – обещанная ранее – изданные «Мыслью» «Предвестники» и вторая – «В поисках Беловодья» (Новосибирск, 1977) – продолжение имеющейся у Вас книги «Рожденный в недрах непогоды».

Книги pošлю заказными бандеролями завтра или послезавтра. Прошу сообщить о получении бандеролей.

Как подвигается Ваша работа над книгой о транспортном освоении сибирских просторов? Тема весьма интересная. Мне кажется, что для пользы книги надо снабдить ее обязательно примечаниями – с указанием источников. Без этого она много потеряет. Насколько я знаю, она будет первой книгой, посвященной этому весьма важному для истории Сибири вопросу, будет очень жаль и обидно, если она выйдет без аппарата.

Желаю Вам успеха и здоровья,

сердечный привет

В. Утков (автограф).

27 октября 1983 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Получил Ваше письмо с некоторым опозданием – вчера только вернулся из командировки. Десять дней был в Молдавии. Осень там прекрасна...

Спасибо за сведения о неточностях и прямых ошибках в статье, напечатанной в «Уральском следопыте». Эти сведения и мне пригодятся, но, конечно, я буду ждать Вашу книжку и, если мне понадобится, та сошлюсь на неё.

Вообще же история канала достойна отдельной книжки. Думаю, что его строительство изобиловало интереснейшими и острыми моментами. Об одном из них я уже писал – как пытался на канале торговать книгами П.И. Макушин и как из этого ничего не вышло – ему запретили власти.

Если нужно Вам – могу сообщить более точные сведения.

Поздравляю Вас с праздником Октября. Желаю самого доброго,

Ваш В. Утков (автограф).

¹⁹Иван Фёдорович Петров (20.02.1920 – 17.04.2012) – писатель, участник Великой Отечественной войны, краевед, член Союза журналистов (1958), Союза писателей России (1966), автор книг по истории края, инициатор издания краеведческих сборников.

16 ноября 1983 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

О торговле книгами Макушиным на канале имеется свидетельство самого Макушина в брошюре «К 50-летию книготорговли в Сибири». Новониколаевск, 1923 г. Привожу я сведения об этом и в моей книжке «Книги и судьбы» (М., 1981). Книжки этой у Вас нет, посылаю ее одновременно с этим письмом заказной бандеролью. О получении прошу сообщить.

Кстати, Макушин был тесно связан с работниками сибирских газет того времени. Он был издателем газет в Томске – «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни». Вероятно, торговля на канале, может быть и была подсказана кем-либо из корреспондентов газет, но возможно мысль об этом исходила и от самого Макушина.

У нас легла зима. В воскресенье уже открыл лыжный сезон...

Желаю самого доброго,

Ваш В. Утков (автограф).

25 января 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Кажется, я не сообщил Вам, что получил Ваш «Хребет великана»? Извините, ради Бога, меня, очень был занят срочной работой и задержал поэтому свой ответ. Я, не смог еще прочитать Вашу работу, но, просмотрев, бегло, вижу, что она весьма интересна, построена на солидном и обильном историческом материале, который соединен воедино Вашим, личным, авторским взглядом, что особенно ценно для меня.

Вы уж не сердитесь на меня. Дел так много, а времени так мало... И вообще – мало его осталось мне...

Выйдет ли отдельной книжкой «Хребет великана»? Когда?

Недавно просматривая библиографические материалы по истории Сибири выпускаемый СО АН СССР ГПНТБ в Новосибирске, я то и дело наталкивался на Ваши работы по истории. Это меня очень порадовало. Надо, наверное, Вам уже приступить к солидной обобщающей работе (конечно, живой, для массового читателя) по судьбам русского народа на Востоке. У Вас уже скопился обильный материал по этому вопросу... Как Вы думаете? А?

Желаю Вам самого доброго,

сердечный привет В. Утков (автограф).

28 января 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Еще раз прошу у Вас извинения, что не написал Вам сразу о том, что

получил Ваш «Хребет великана» и заставил Вас беспокоиться: сегодня получил Ваше письмо от 24 января...

За внимание к «Предвестникам» – большое Вам спасибо. Когда рецензия будет напечатана, если это Вас не затруднит, пришлите её мне или, в крайнем случае, сообщите, где она появилась...

В марте хочу отправиться в Малеевку, походить немного на лыжах (сейчас хожу почти каждый день) и поработать...

Самого Вам доброго,
будьте здоровы,
Ваш В. Утков (автограф).

12 апреля 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Огромное Вам спасибо за рецензию, за присланные журналы. Очень я Вам признателен за добрые слова и за понимание моей работы. Ваша рецензия уже десятая. Несколько рецензий было в Москве, затем в Новосибирске, в Омске, в Алма-Ате. Я и сам не ожидал такого...

Рецензия на очерк Коркина – деловая и горячая. Я думаю, что Ваше определение – «запальчиво» не совсем точно. Запальчивости в ней я не вижу, а горячность, рожденная равнодушием отношением к вопросу и полным знанием его – есть.

Мое письмо о «Хребте великана» было рождено только желанием помочь Вам и я, конечно, не воспринял, получение газетного варианта, как «желание похвастаться». Вы так пишете. Даже мысли такой в голове не было. Вы совершенно правильно сделали, что застолбили тему. Теперь её надо развивать вширь и в глубину. И то, что Вы сами видите его недостатки и мои замечания совпали с Вашими, личными – только радует меня, значит я не ошибся, написав Вам откровенно свое мнение, не ошибся в Вас. Теперь конечно, речь пойдет о книге. Уверен, что в ней Вы избавитесь от конспективности и книга получится вполне достойной того великого подвига, о котором Вы пишете. Искренне желаю Вам успеха и если смогу в чем-либо помочь – всегда готов это сделать.

В заключение одна небольшая просьба, если Вам не удастся ее выполнить, в претензии не буду. Не сможете ли Вы мне выслать 1-2 экз. Вашей рецензии на «Предвестников» (печатные страницы журнала, м.б. из каких-либо рабочих). Буду Вам очень благодарен.

Желаю успехов,
жму руку,
Ваш В. Утков (автограф).

28 апреля 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Большое спасибо за дополнительные экземпляры рецензии. Они мне очень кстати. Вчера мне сообщили (пока не официально), что книга моя

будет представлена на Всемирном Географическом Конгрессе, который состоится осенью этого года в Париже. Конечно, среди тысяч книг она вряд ли будет выделяться... Но все же...

Посылаю Вам Ваш «Хребет великана» из «Сиб. огней». Если предоставится возможность, то обязательно вышлю еще. Ну, а Вы, если будете вынимать из журнала свой очерк, то остальное не выбрасывайте – пошлите мне материал о «Мартыновских чтениях»...

Жду, когда «Хребет» оформится в книжку...

Поздравляю Вас и Ваших близких со светлыми, майскими праздниками и желаю самого доброго.

Жму руку,

Ваш В. Утков (автограф).

23 мая 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Что это Вы пишете о какой-то смене? Неужели собираетесь уходить из журнала? Что случилось? Почему так неожиданно? Совпадает ли это с Вашим желанием?.. И еще много можно задать вопросов.

Ну, и еще один – неужели так серьезно, что нужно ложиться в больницу? Не могу ли чем-либо я помочь Вам? Напишите.

На днях вышлю Вам еще экземпляры Вашего очерка из № 3 «Сиб. огней».

Самого доброго Вам и – главное: здоровья.

Сердечный привет,

Ваш В. Утков (автограф).

4 июня 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Рано или поздно наступает наш переход в новое состояние. Я ушел с работы после 70, Вы – раньше. Но дело не в этом. Важно не снижать темпа жизни – работать, работать, работать. Дел так много, что все их, конечно, не удастся переделать, но сделать, пока можешь, надо как можно больше.

Главное – переход в новое состояние не должен быть болезненным. Я, например, даже не заметил его – только почувствовал, что времени у меня стало еще меньше, чем было раньше. Не жалею, что и ушел поздно – удалось за эти годы много поездить, много увидеть, оставить хорошую память. Да и Вы память оставляете замечательную... Продолжайте и дальше...

Ну, а что касается всяких хозяйственных дел, то я, например, свожу их к минимуму. Надо мне немного... Стараюсь все время отдавать своей работе. У меня нет ни дачи, ни машины, ни жены (похоронил в 1980). Есть дочь уже взрослая, конструктор, работа у нее интересная, она один из конструкторов научной подводной лодки, ходила в рейсы. Есть внук Алешка, уже переросший меня, пока хороший парень – семиклассник и – кот

МурКотофеевич! Что же мне еще надо? Работай да работай...

Берегите свое здоровье, оно Вам очень пригодится, ведь уверен, задумано у Вас немало... Придется потрудиться!..

Ну, а что касается всяких дел, которые я тоже не мастак проворачивать, то все же не они для Вас сейчас самое главное...

Ну, разговорился!.. Чего это я? Вам же все самому виднее ...

До Вашего письма отправил Вам еще два экземпляра Вашего очерка. Посланное Вами я все получил. Спасибо.

Желаю Вам прежде всего здоровья, а все остальное приложится, уверен в этом,

жму руку,

Ваш В. Утков (автограф).

13 августа 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Вчера получил от Вас весточку, рад, что, судя по ней, у Вас все идет нормально.

У меня лето – рабочее. Сдал книжку, небольшую – 5-6 а.л. Жду рецензий (внутренних) для доработки. Сдал несколько статей в различные органы, часть уже в печати. Много работал над предисловием к «Воздушным фрегатам» Л.Н. Мартынова. Хотелось сделать его достойным текста книги. Трудно работалось. Сегодня, кажется, завершаю... Словом, лето не отдыхал. Много и разных других более мелких работ – отзывов, рецензий, замечаний и т.п. Большая и переписка...

В газете «Советская Россия» за 4 апреля напечатан материал «Великих рек рукопожатье» под рубрикой «Репортаж из экспедиции». Речь идет там об Обь-Енисейском канале. Если не видели – посмотрите, может быть и есть что-либо полезное для Вас...

Живу пока по-прежнему один – дочь в командировке, вот уже два месяца, внук в спортивном лагере под Смоленском – тоже на два месяца.

Еще – кот со мной... Но он не мешает – все ж живая душа...

О кончине Е.И. Беленького я уже знаю, узнал буквально на следующий день, случайно. Жаль. Дело прошлое – но в нашем возрасте нельзя ездить на юг...

Буду благодарен Вам, если пришлете и «Обелиски славы» и коллективный сборник «Наследство». Оба издания не только интересны для меня, но и нужны. Вопросами сельского хозяйства на работе я занимался профессионально и не утратил интереса к ним и сейчас. А сельскохозяйственными делами Омской области я интересовался всегда...

Иркутск обещает в сентябре выпустить моего П.П. Ершова – сочинения с моими комментариями и послесловием. Издание будет весьма интересным: наиболее полное из вышедших, войдет неизвестная проза, впервые – переписка, пьесы, либретто. Тогда и рассчитаюсь с Вами...

Желаю Вам самого доброго,
сердечный привет,
Ваш В. Утков (автограф).

19 сентября 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Не знаю, знакома ли Вам книга Кл. Оланьона «Сибирь и ее экономическая будущность» (СПб, 1903). Если не знакома, то имейте ввиду, что на стр. 22-24 её имеются сведения о Кеть-Касском канале. Может быть они будут для Вас интересны, как свидетельство иностранца...

Кроме того, я натолкнулся в «Сиб. огнях» №11, 1971 г. на небольшой материал В. Тарасова о канале – «Хождение из Оби в Енисей», так он называется. Сообщаю и о нём...

Книгу Оланьона вообще посмотрите, она любопытна...

Желаю успеха и здоровья,

жму руку,

В. Утков (автограф).

P.S. Письмо пролежало у меня в бумагах до 26 сентября... В.У.

10 ноября 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Рад тому, что Вы на коне – много ездите, собираете материалы, а значит – работаете. Это самое главное. Многие люди, оставив штатную работу, очень болезненно входят в новое свое состояние. Вижу, что с Вами этого не произошло...

Будете в Малеевке – звоните...

Желаю здоровья и успешной работы,

жму руку,

Ваш В. Утков (автограф).

23 декабря 1984 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Примите мои сердечные поздравления с Новым годом и самые добрые пожелания.

Здоровья и творческих успехов Вам в Новом году.

Ваш В. Утков (автограф).

11 января 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Только, что получил Вашу книжку и не мог оторваться от нее пока всю

не просмотрел от начала до конца. В ней много интересного, нужного читателям современным, особенно молодежи, которая плохо знает наше прошлое, да и не всегда правильно относится к нему. И написана книжка – ясным, хорошим языком, доходчиво... Словом, книжка получилась...

Не буду останавливаться на частностях, с некоторой из них я не согласен, другие возбудили во мне желание более глубоко изучить вопрос, который я знал поверхностно. И это – тоже несомненное достоинство книги Вашей. Плоха та книга, которая не задевает, не будит мысли и желания. А Ваша – с мыслью!..

Хочу только кое-что сообщить Вам по последнему очерку о Бондареве. Я никогда не занимался этим человеком и во всей полноте вопроса не знаю. Хочу натолкнуть Вас на одну работу, которая может быть Вам неизвестна, но в которой есть некоторые крупницы сведений о юдинской коллекции и о рукописи Бондарева в ней.

В 1960 г. АН СССР выпустило «Археографический ежегодник за 1958 год». В этом толстенном томе есть обзор А.А. Преображенского «Коллекция Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края». Обзор – краткий, с 267 по 293 стр. Преображенский пишет (с.270) – «подавляющее большинство материалов “архива” Г.В. Юдина... осталось на месте». И далее выясняется печальная судьба этого архива –

«После смерти Г.В. Юдина его “архив” оказался по существу бесхозным и сильно пострадал. После Великой Октябрьской социалистической революции часть рукописного собрания поступила в местную библиотеку. Основная часть продолжала оставаться на даче Юдина близ Красноярска, и лишь перед Великой Отечественной войной юдинский архив был принят на хранение в Государственный архив Красноярского края... (подчеркнуто мною – В.У.!) Справочные каталоги и картотеки, которые были при Юдине, к сожалению, не сохранились».

В 1960 году я побывал в Красноярске и, конечно, посетил дом Юдина на Афонтовой горе. Старожилы мне говорили, что после Октября в этом доме был приют для дефективных детей (так ли это, точно я не мог выяснить), что многое из оставшегося от Юдиных имущества было растащено; я побывал в некоторых окрестных домах и в одном мы нашли рукомойник из дома Юдина, – старожил и не отрицал этого, говорил, что после революции имущество раздавали. Потом, когда я в конце командировки встречался с секретарем Обкома и докладывал ему о результатах своей работы (там был семинар издателей и книготорговцев Сибири), в конце беседы я рассказал и о Юдинских делах. Было обещано принять меры...

Пишу я это Вам для того, чтобы Вы представляли истинное положение с наследством Юдина, – несомненно, что многое в том числе и рукописи Бондарева, если они там были, могли бесследно исчезнуть.

На стр. 279 Преображенский пишет, что в архиве имеется подлинная рукопись Т.М. Бондарева, а в сноске 124 говорит:

«Интересна судьба этой рукописи. Согласно завещанию Бондарева, его сочинения были положены вместе с ним в гроб. Через некоторое время полицейские власти (?) вскрыли могилу Т.М. Бондарева и изъяли его рукописи. В советское время один из последних вариантов этого труда (о нем и идет речь выше) был обнаружен в делах Енисейского губернского жандармского управления и присоединен к коллекции Г.В. Юдина. (а, где же юдинский экз.? – авт.)

Насколько все это точно, я судить не могу. Но может быть для Вас это будет интересным, для второго издания Вашей книги, расширенного и дополненного.

И еще «Вопросы истории» №6, 1960 г. на стр. 209, в хроникальной заметке сообщали, что «Главное архивное управление Совета Министров СССР получило в порядке обмена от Библиотеки Конгресса США микрофильм некоторых документальных материалов» – Юдинских, в заметке кратко говорится о содержании микрофильма. Посмотрите.

Еще раз спасибо за книжку. Она доставила мне подлинное удовольствие.

Желаю Вам самого доброго,
не сдаваться годам, работать и дальше.

Сердечный привет В. Утков (автограф).

31 марта 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

В феврале меня схватил жестокий грипп. Расправился я с ним тоже жестоко и решительно, слава Богу, без последствий. 7-го выехал в Малеевку, где работал и каждый день по два-три часа ходил на лыжах. Сейчас – дома. Малеевское житьё подействовало благотворно. Уже полностью включился в дела...

Последнее Ваше письмо, очень обстоятельное, еще раз убедило меня в серьезности Вашей работы и необходимости её переиздания. Но мне кажется её теперь нужно снабдить соответствующим аппаратом и прежде всего ссылками на источники и, если возможно, именным указателем. Кстати, сейчас этому уделяется большое внимание, есть даже решение Госкомиздата СССР по этому поводу. Однако, независимо от решения, Ваша книга, снабженная аппаратом, станет бесценной. Мое глубокое убеждение, что каждая краеведческая книга, и не только краеведческая, а географическая, историческая и т.п. обязательно должна иметь соответствующий аппарат. Эти книги (и Ваша в том числе) по существу познавательные, возбуждающие в читателях интерес к затронутым вопросам. Соответствующий аппарат поможет углубить эти знания и удовлетворить интерес шире.

Важен и вопрос о документальных иллюстрациях.

Все это я пишу еще и потому, что у меня сейчас подобрано более двух десятков книг такого типа и я намерен дать по этому поводу статью, где хочу поставить ряд серьезных вопросов по изданию таких книг, что стало сейчас уже явлением, мимо которого равнодушно пройти нельзя. В принципе с

одним изданием я уже договорился о такой статье, да вот времени все не хватает... А нужно!

Желаю Вам самого доброго,
Ваш В. Утков (автограф).

30 апреля 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Примите мои сердечные поздравления со светлыми майскими праздниками и с Днем Победы!

Желаю Вам и Вашим близким самого доброго.
Ваш В. Утков (автограф).

21 июля 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Отвечаю на Ваше письмо с опозданием. Сначала, после приезда из Омска, погрузился в срочные дела, связаннее с Ленинградом, потом поездка в Ленинград, пребывание там в течение десяти дней, при очень напряженной работе. Вернулся в Москву – снова захватили разные дела... Так что уж не сердитесь...

За предложение участвовать в сборнике – большое спасибо. Для меня – это честь... И темы есть... Но не знаю – справлюсь ли... Во всяком случае до нового, 1986 г., сообщу или пришлю материал.

В Архангельске я бывал, а вот в Мурманске – не пришлось. Хотелось бы побывать там, да, наверное, уже не удастся...

Хочу сообщить Вам о книжке, название которой мне попало на глаза, может быть она будет интересна для Вас (не помню – не сообщал ли я Вам о ней уже?): Ламин В.А. Ключи к двум океанам / Под ред. А.П. Окладникова/ – Хабаровск. Кн. изд-во, 1981, 255 стр. Дальневосточная историческая библиотека. В книге, судя по краткой аннотации, говорится об истории транспортного освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII-XX вв. Буду рад, если она поможет Вам в Вашей работе.

Как к Вам попали автографы переводов Л.Н. Мартынова? Я помню, как он работал над ними, вернее, начинал работать. Напечатаны они были в «Эрцинском лесе», потом «Неблагодарность» Шекспира вошла в его книгу «Поэты разных стран», М., 1964.

Сочувствую Вам – хлопоты Ваши действительно утомительны и сложны. Однако – в основе их доброе дело и люди, получившие квартиры, конечно, благодарны Вам...

До осени буду в Москве, а там, вероятно, придется еще раз побывать в Ленинграде...

Сердечный привет и самые добрые пожелания,
Ваш В. Утков (автограф).

23 августа 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Как всегда, в делах, в заботах, в цейтноте, но на письма отвечаю. У меня на это правило строгое – ни одно письмо стараюсь не оставлять без ответа. Правда, иногда задерживаю, вот как и сейчас. Не сердитесь... Сдаю книжку в издательство «Книга», вернее дорабатываю ее. Она уже была сдана, получила три одобрительных рецензии, включена в план выпуска 1986 г., даже 60% получено... Но я еще раз посмотрел на нее, после перерыва и занятия другими работами, и решил доработать. Вот и тружусь сейчас. Книжка небольшая – 7-8 а.л., посвящена, на мой взгляд, чрезвычайно актуальной теме и забегает несколько вперед – психологии книжной торговли. Дело в том, что конъюнктура книжной торговли сейчас заметно меняется и процесс этот будет с каждым годом усиливаться. Вот, в предвидении изменений, я и написал эту книгу... Трудно, но интересно...

Работаю и над другими темами. Времени не хватает, стал ненавидеть свой сон, все кажется отнимает он время... Но ничего не поделаешь – спать надо, иначе будет скверно...

Очень рад, что Вам удалось совершить такой интересный вояж, обновить в памяти прошлое. Это необходимо делать, и Вы поступаете правильно... А вот здоровье – берегите. Оно – самое главное в нашем положении...

Тему своей будущей статьи называю условно «Иртыш-Индия». Построена она на архивных материалах. Мне удалось найти неопубликованные документы о роли Омска в начале XIX в. в торговле с Индией. Если эта тема устроит Вас – буду завершать. Напишите...

Мартыновский архив – очень сложен, Г.А. и Лариса трудятся над его систематизацией, в первую очередь заняты поэтическими произведениями. Проза – постольку поскольку... Поэтому ничего пока не могу сказать о той рукописи, которую посылал Дусавицкий. Думаю, что это, вероятно (судя по объему) повесть Л.Н. о Ершове. Частично она была напечатана в омском детском альманахе «Соколята», под псевдонимом А. Нагибин.

Желаю Вам самого хорошего и прежде всего здоровья,
Ваш В. Утков (автограф).

29 октября 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Работаю над статьей. Подвигается не очень споро, материал сложный и требует привлечения ряда источников, кроме архивных, которые у меня уже есть.

Каков срок сдачи? Сообщите.

Шлю Вам и Вашим близким поздравления с праздником Октября и

желаю самого доброго, прежде всего здоровья.

Крепко жму руку,
Ваш В. Утков (автограф).

8 ноября 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Над статьей работаю. Получается интересно и свежо, на мой взгляд, конечно. Однако до завершения еще не близко. Материал сложный и новый...

Будете в Москве, в Переделкино – позвоните. Надо бы встретиться. Я в Переделкино собираюсь в будущем году в феврале-марте, чтобы сочетать работу с лыжными прогулками. Там уже очень хорошо бродить по лесам...

Желаю самого доброго, прежде всего здоровья и хорошей работоспособности. Кстати, над чем трудитесь?..

Жму руку,
Ваш В. Утков (автограф).

25 декабря 1985 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Примите мои Новогодние поздравления и самые добрые пожелания.

Прежде всего хочу видеть Вас в Новом году здоровым, бодрым, деятельным.

Успехов Вам и творческих дел.

Ваш В. Утков (автограф).

21 января 1986 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

К сожалению, должен Вас огорчить – рукопись моя не готова, залез я очень глубоко, нужен еще один архивный материал, след его я уже нашел. Огорчен и я сам – так хотелось выступить в Вашем новом издании. Но не могу я, не завершив поиски, давать незавершенную вещь. Приношу Вам извинения, если я подвел Вас.

Работы мне еще не меньше месяца, если ничто не помешает. Я надеюсь, что сборник Ваш не последний, пусть буду готовить для второго сборника.

Очень бы хотелось мне знать содержание первого сборника. И это не только для себя, но и при случае я мог бы сказать о нем на каком-либо совещании, совете и пр. Думаю, что это не помешает...

Какую книжку Вы сдали на машинку? (Омск 1917-1919 гг.?)

Сердечный привет,
Ваш В. Утков (автограф).

22 февраля 1986 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Прежде всего примите мои сердечные поздравления с Днем нашей Армии. Мы отдали ей много сил и времени и время это никогда не забудется....

За информацию о сборнике – спасибо. Судя по ней, сборник будет интересным. Когда ожидается его выход? Мне пришлось сейчас на время отложить работу для сборника – неожиданно получил приглашение от иркутян – завтра вылетаю дней на 7-8 в Иркутск, что там будет – еще толком не знаю. Говорили о каких-то чтениях, посвященных Радищеву. Выезд в Илимск. Я не могу считать себя специалистом по этому вопросу, но все же выступление минут на десять подготовил об илимских днях Радищева, дав особый поворот теме, который еще никто не использовал. Вероятно, будут и другие разговоры, и к ним я подготовился. Этим и было занято мое февральское время.

Работу для сборника – завершу после приезда, необходимо еще поднять один архивный материал. Он уже мною найден.

Ну, вот и все.

Последнюю неделю не пришлось даже ходить на лыжах, был занят очень плотно.

Желаю Вам самого доброго,

Ваш В. Утков (автограф).

20 января 1987 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

С большим интересом прочитал я «По следам И.Д. Бухольца». Чувствуется, что Вы прежде чем взяться за эту работу, перевернули гору материалов. Да, иначе и нельзя! И, что меня порадовало, – несмотря на такой «тяжелый» фундамент – читается легко...

И Вы, знаете, почему бы Вам не развить дальше эту тему? Тему такую – «Основатели сибирских городов»? Сейчас у Вас Омск и Кяхта, потом могут последовать Тобольск, Тюмень, Тара, города Средней и Восточной Сибири, Дальнего Востока. Конечно, тема сложная, трудная, я бы сказал – новаторская. Порой нужно будет говорить не об одном каком-либо человеке, а о группе людей, о народном начале и т.п. Благодарнейшая тема и никем еще не поднятая!.. Возьмитесь-ка...

Я плотно увяз с подготовкой сборника воспоминаний. Наверное, до конца месяца не освобожусь. Омский материал уже почти готов, необходима самая минимальная доработка и затем перепечатка набело. А вот – не могу выкроить время!.. Единственно, что позволяю – час-полтора ходить на лыжах. Без этого нельзя, тем более, что и сплю мало....

Бандероль, о которой Вы писали мне, я пока еще не получил. Жду...

Если Вам попадетя план выпуска Омского издательства на 1987 год –

буду благодарен Вам за экземпляр...

Желаю всего доброго, а главное здоровья.

Крепко жму руку,

Ваш В. Утков (автограф).

4 февраля 1987 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Спасибо за план 1987 г. Но почему в нем нет тех сборников, которыми Вы заняты?

Да, тема об основателях сибирских городов, благородная тема, интереснейшая, но потребует она много труда, времени, которого у нас с Вами, уже, вероятно, нет. А, жаль! Может быть есть кто-либо из молодых ребят – литераторов, которых можно зажечь этой темой?

Лимит наших дней часто заставляет меня, например, отказываться от новых начинаний... Ничего не поделаешь. Нужно смотреть на вещи реально...

Желаю Вам здоровья и успехов.

Сердечный привет,

Ваш В. Утков (автограф).

30-е мая 1987 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

Получил Ваше письмо с новыми отрывками из Вашей книги. Мне трудно судить обо всем, что Вы отразили в своих очерках. Я не знаю вопроса во всей его полноте и деталях. Вам и карты в руки... Но меня несколько насторожила Тобольская часть. Вопрос этот очень сложный, острый. Мне хотелось бы видеть его освещение в Вашей книге более глубоким. Например – В.С. Панкратов, комиссар по охране Николая II и его семьи в Тобольске. Это был политкаторжанин, сидел в Петропавловке, в Шлиссельбурге (14 лет в одиночке), в сибирских тюрьмах. Прибыл в Тобольск с удостоверением и инструкцией Керенского 1-го сентября 1917 г. (2-го сентября он встретился с Николаем). Свои полномочия он сложил 24 января 1918 г. Умер в 1925 году.

Начальником отряда охраны был полковник Кобылинский (в его подчинении был отряд 337 чел. и 7 офицеров). Есть и многие другие подробности пребывания семьи Романовых со свитой в Сибири (авантюра мужа Матрены Распутиной Б. Соловьева или Соколова, я запомнил, действия епископа Гермогена, попытка флигель-адъютанта Сидорова освобождения царской семьи и т.д.). Конечно, всего Вы не можете отразить, но на некоторых важных моментах, мне кажется надо было остановиться или хотя бы упомянуть. Иначе картина может получиться неполной. Я бывал в Тобольске, знакомился с домами, где жил Николай и где была размещена его свита и Кобылинский; в музее хранится альбом снимков пребывания семьи Романовых в Тобольске. Хорошо помню снимок – Николай за пилкой дров...

Я не могу судить полностью об этой части Вашей работы по газетному отрывку, вероятно, сокращенному. Он оставил у меня ощущение неполноты и даже, не обижайтесь, дорогой Иван Федорович, несколько обеспокоил.

Еще раз хочу повторить – нужен к книге реальный комментарий. Это необходимо по ряду мотивов. Реальный комментарий поставит работу на твердую основу, обогатит читателей, укрепит Ваши позиции как серьезного писателя, занимающегося историческими темами, обезопасит от возможных нападок.

Очень жду Вашу книгу, тема ее мне интересна и важна. Мое искреннее желание, чтобы она была оценена положительно, ибо Вы поднимаете вопросы неизвестные широкому читателю, но совершенно необходимые сейчас, когда восстановлению исторических событий в литературе придается такое большое, я бы сказал, государственное значение.

Желаю Вам самого доброго,
сердечный привет,
Ваш В. Утков (автограф).

12 июля 1987 г.

г. Москва

Дорогой Иван Федорович!

В газете «Советская Россия» сегодня, 12-го июля, опубликована полоса доктора исторических наук Генриха Иоффе «За последней чертой. Вымыслы и правда о конце династии Романовых». Обязательно познакомьтесь с ней. Она поможет Вам в работе над переизданием «Большого Костра». В ней содержатся некоторые новые данные, в частности о В. Яковлеве, сопровождавшем Романовых из Тобольска... Насколько они точны – не знаю... Ссылок на источники в статье нет...

Желаю здоровья и успехов,
жму руку,
В. Утков (автограф).

В.Г. Утков – С.И. Веремею²⁰

1 января 1940 года

Веремей, Веремей,
Ты пиши поскорей,
Если можешь, – то вскачь:
Не страшись неудач!
Будь же счастлив всегда,
Не грусти никогда,
Будь здоров и силен,
И красив, и умен,
Мой совет. Не забудь –
Будь писателем, будь!

18 декабря 1974 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Я только что вернулся из командировки в Алма-Ату, проводил два республиканских совещания, и в домашней почте увидел твои два письма.

Я очень рад, что твои совершенно уникальные записи пошли в ход. Они имеют, по моему мнению, громадное значение и как свидетельство очевидца и как воспитательный материал и, просто, как интересное и поучительное чтение.

Может быть книжка получится?

Я пока здоров, по-прежнему хожу на лыжах в субботу и воскресенье, много работаю, люблю ездить. Нынче был в Кишиневе, Нальчике и вот – в Алма-Ате.

Весточку эту ты получишь уже в предновогодние дни. Пользуюсь случаем и шлю тебе от всех нас самые сердечные новогодние поздравления и пожелания.

Будь здоров и счастлив.

Обнимаю,

В. Утков (автограф).

21 октября 1978 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Вот и ты дошел до 75-тилетнего рубежа... А позади так много и такого трудного, что уже само по себе достижение в добром здравии 75-летия свидетельствует и о здоровом духе твоём и о здоровом теле. Испытания закалили тебя, а не сломали, так и должно быть с настоящим человеком. А ты – настоящий человек!

²⁰ Сергей Иванович Веремей (20.10.1903 – 29.11.1991) – журналист, краевед, общественный деятель.

Вся моя семья шлет тебе поздравления и самые лучшие пожелания.

Я по-прежнему много работаю и много езжу. В этом году побывал два раза в Туле, выступал в Ясной Поляне с новыми материалами о Л.Н., которые мне удалось найти. Был в Орле, недавно побывал в Саратове, собираюсь в середине ноября в Кишинев. Жду с нетерпением зимы, что бы начать ходить на лыжах...

Обнимаю тебя, дорогой,
здоровья тебе, радостей, счастья
на долгие-долгие годы
твой
В. Утков (автограф).

4 ноября 1979 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Рад был весточке от тебя. Значит ты жив, здоров и как всегда деятелен...

Год – тяжелый, много смертей близких и знакомых. У Мартынова умерла жена, Нина Анатольевна, ты знал ее. Большая потеря для всех нас, а для Леонида – катастрофическая. Все мы сейчас заботимся о нём, поддерживаем его – он остался совсем один...

Поздравляю тебя и твоих близких с наступающим праздником Великого Октября и желаю тебе только самого лучшего...

Будь здоров и счастлив,
обнимаю,
В. Утков (автограф).

15 сентября 1982 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Одновременно с этим письмом посылаю тебе мою новую книжку. Буду рад, если ты познакомишься с ней и черкнёшь мне о твоём впечатлении.

Получил ли ты мою предыдущую книжку – «Книги и судьбы», второе издание? Что-то от тебя нет известий, боюсь, не затерялась ли на почте.

Прошу тебя, как только получишь «Предвестники. Связь времён» – напиши сразу же мне о том, что получил.

Живу по-прежнему – активно. Нет еще месяца как я на пенсии. Установил жесткий режим – работа и физические нагрузки (в т.ч. велосипед). Работаю много и себя не щаю. Это единственный путь к здоровью телесному и душевному. Ну, да не тебе мне об этом говорить...

Жму руку,
желаю самого лучшего,
В. Утков (автограф).

23 ноября 1982 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Что-то нет от тебя вестей... Получил ли ты мою книгу? Напиши, пожалуйста...

Есть у меня и просьбы к тебе.

Первая: не напишешь ли ты воспоминания о Л.Н. Мартынове? Сейчас подготавливается сборник воспоминаний. Ты же длительное время знал Леонида, был представителем Литфонда в Омске, т.е. в значительной мере нашим «покровителем». Тебе и карты в руки. Ответь, пожалуйста, и – лучше всего – положительно.

Вторая: хотелось бы мне получить от тебя хотя бы короткую твою автобиографию (основные вехи твоей жизни) и все, что ты найдешь нужным добавить к ней. Дело в том, что в своих воспоминаниях, которыми я занят сейчас, я не могу обойтись без тебя, хочется рассказать подробнее о том следе в литературной жизни Омска, который ты оставил и который оставляешь сейчас.

Вот, пожалуй, и все. Жду ответа.

Желаю здоровья и радостей

жму руку,

В. Утков (автограф).

21 декабря 1982 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Рад был получить от тебя такое бодрое, жизнерадостное послание. Так и надо держать – не сдаваться до последнего!

Но есть и маленька[я] поправка – все, что ты делаешь – хорошо, необходимо, приносит моральное удовлетворение. Однако всего этого мало... Да, да, мало! Надо делать больше. (Тут ты, наверное, возмутишься, скажешь, что и так времени не хватает, куда еще больше!). Надо находить время для воспоминаний, для записок о своей жизни. Я понимаю, событий у тебя в жизни так много, что никакого времени не хватит, чтобы все описать. Советую тебе строго ограничить себя, а именно, взять, например, только литературное движение в Омске. Ты же можешь написать об этом так, как никто! Возьмись, а?

Шлю тебе и твоим близким Новогодние поздравления и самые лучшие пожелания. Возможно, в Новом году увидимся на «Мартыновских чтениях» в Омске.

Обнимаю, твой

В. Утков (автограф).

14 января 1983 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

На днях, разбирая журналы, скопившиеся за год у меня, я натолкнулся в № 2 «Вопросов литературы» за 1982 год на известие о тебе: в хронике рассказывалось о твоих встречах с И. Эренбургом на I съезде писателей и о фронтовых делах. Приводилась большая цитата из твоей статьи в газете «Омская правда» от 27 января 1981 г.

Очень я обрадовался – как будто с тобой встретился...

Вот и сообщаю тебе об этом...

Если у тебя нет этой заметки – перепечатаю и вышлю. А может быть ты вообще о ней не знаешь?

Живу по-прежнему – много работаю. Жалею, что нет снега – стоит всё время плюсовая слякотная погода. На лыжах почти и не ходил.

В феврале-марте собираюсь уехать под Москву – отдохнуть и поработать...

Сердечный привет,

В. Утков (автограф).

14 февраля 1983 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Огромное тебе спасибо за газету с корреспонденцией об открытии Омского литературного музея. Если бы не ты, я и не знал бы о статье. Очень признателен тебе.

Отвечаю на твой вопрос о новогоднем послании на 1940-й год – автор текста и рисунков – я. Где-то у меня хранятся черновики текстов, которые были поднесены Леониду, Бежицкому, Нине Анатольевне и еще кому-то, не помню уже сейчас.

Листок возвращаю обратно в этом письме.

Ты пишешь о ленинградских своих родственниках. Я ведь был один раз у твоей дочери, лет десять тому назад, наверное. Как она живет? Какая у нее семья? Помню, что она пошла в тебя – была очень спортивной. Это – хорошо. Моя дочь тоже и лыжница и пловчиха. Таскал ее с собой на лыжах с пяти лет. Теперь натаскал внука – ему уже 12 лет и мне теперь трудно тягаться с ним на лыжах – на короткие дистанции он меня обставляет, ну а на выносливость еще тягаюсь.

Правда, зима нынешняя для меня неудачная – долго не было снега, а потом в мороз сильный пошел на лыжах и застудился, схватил воспаление легких, не обратил на него внимания переходил на ногах... Теперь рассчитываюсь за свою глупость. Ходить на лыжах пока нельзя. В следующий понедельник, вероятно, уеду в подмосковный Дом творчества – Малеевку. Условия там прекрасные, надеюсь, говоря по-сибирски, там оклематься.

Признателен тебе за желание помочь мне штемпелем с адресом для писем – это очень кстати, в среднем в год я посылаю 200 писем, пишут мне

отовсюду и разные люди и по разным вопросам... Так, что штемпель будет очень кстати.

Пишешь ты и о моих близких родственниках – брате и его жене. Мы регулярно, к праздникам, обмениваемся короткими посланиями. Значит все благополучно. Оба они на пенсии...

Письмо моё придет накануне 23 февраля, большого нашего праздника. Заранее поздравляю тебя с ним и желаю здоровья, бодрости и счастливых дней. Я же в этот день, вероятно, буду уже в Малеевке...

P.S. Посылаю «образец» для штемпеля. Если длинно – можно поставить только инициалы (В.Г.)

Обнимаю,
В. Утков (автограф).

26 марта 1983 г.

Малеевка

Дорогой Сергей!

По телефону Оля-дочь сообщает мне о всей корреспонденции. В том числе и о твоих письмах. Огромное тебе спасибо.

В Малеевке у меня две задачи – восстановить здоровье и не прекращать работать. Кажется, обе задачи выполняю. С 9-го марта начал ходить на лыжах. Сначала было трудновато (задыхался, кашлял, слишком частым был пульс). Теперь все это исчезло. И дыхание, и сердце – в норме. На лыжах в последнее время бегал в полную силу. Даже сегодня, при t до 10° тепла, ходил 2,5 часа, не смущаясь нагрузкой (в лесу лыжня была хорошая). Плюс ко всему этому – утренняя гимнастика – 500-600 движений, неукоснительно.

Не прекращал и работу. Везу домой стопу написанного.

Пробуду в Малеевке до 31 марта.

Сердечный привет

Обнимаю,
твой В. Утков (автограф).

21-го апреля 1983 г.

г. Омск

Дорогой Сергей!

Ты делаешь такое большое дело для меня, что я буду тебе благодарен до последних дней моей жизни. Материалы, которые печатаются в Омских газетах и которые ты регулярно мне шлешь, чрезвычайно мне нужны. Без тебя бы я и не смог бы их достать и это несомненно сказалось бы и на моей работе, которой я занят – на книге о Леониде. Работа эта, конечно, не быстрая, сколько времени она займет у меня – не знаю, но каждое свидетельство из Омска о Леониде мне дорого и необходимо, несмотря на некоторые неточности, ошибки, а в иных материалах и тенденциозность. Все это мне необходимо знать, чтобы в своей работе кое-что подтвердить, кое-что опровергнуть, кое с чем поспорить и т.п.

Большое тебе спасибо и за последнее, что я получил сегодня – статью Е. Жданович.

Собираюсь в Омск. Завтра, послезавтра, наверное, буду брать билет на 14 мая. Точнее сообщу потом.

Здоровье мое поправилось, стараюсь держать его в норме. Хотя еще и есть некоторые остаточные явления – изредка покашливаю. Но сердце – норма: утром 56-58, днем не выше 70, за три-пять минут после нагрузки приходит в норму. Тебе, спортсмену, эти цифры говорят о многом...

Похудел, обозначились мышцы живота, и эту форму я поддерживаю ибо она – норма.

Живем сейчас вдвоем с внуком, Алешкой, Оля опять в командировке по своим специальным делам, на Черном море... Приедет 1-2 мая.

Шлю тебе и твоим близким сердечные поздравления со светлыми майскими праздниками и самые лучшие пожелания. Телеграмму твою получил и возвращаю твое пожелание уже от себя: давай поживем подольше!..

Твой

В. Утков (автограф).

10 июня 1983 г.

г. Москва

Дорогой мой друг!

Сразу же, как только вернулся из Омска, навалилась на меня срочная работа – верстка книги М.В. Сабашникова. Надо было много сверять, проверять, уточнять, а сроки поджимали. Так и сидел, забросив переписку, не отвечая на гору писем, которая скопилась на столе.

До сих пор полон чтением – какие молодцы Омичи! Как всё хорошо сделали. И очень мы благодарны Обкому КПСС, В.С. Новосельцев, несмотря на большую занятость, принял нас, очень тепло побеседовали и доклад его был очень толковым, задал тон всем чтениям.

Твое выступление в Музее с воспоминаниями – очень хорошее, пожалуй, самое толковое и правдивое. И это не только моё мнение. Передаю тебе оценку и Галины Алексеевны и ее дочери, которые хорошо знали Леонида и знали из его и моих рассказов о тебе. Им твое выступление очень понравилось, Г.А. сказала, что оно было простым, ясным, интересным и правдивым.

Жалею я только о том, что не удалось нам посидеть вместе, поговорить о разных наших и не наших делах. Но, прошу, не обижайся, я даже у родного брата своего был только урывками – в первый день зашел вечером, а последний день заезжал на 10 минут, попрощаться. Все дни и вечера были заняты очень плотно.

Видел ли ты телевизионную передачу 31-го мая? Если видел, то напиши о твоём впечатлении.

Ты, кажется собирался ехать в Москву и Ленинград? Сообщи, когда состоится этот вояж, милости прошу ко мне.

Крепко жму руку,
В. Утков (автограф).

10 июля 1983 г.

г. Москва

Друг мой, Сергей!

Вчера по телевизору показывали награждение Курска орденом... Среди ветеранов Курской битвы, сидевших в зале, я все пытался найти тебя. Но так и не смог. Но всё равно, даже если ты и не был на этом торжестве дух твой, твоя душа, сердце – было среди них, этих героев, участников Великой битвы...

Спасибо тебе и за фотографию «У вечного огня», где ты при полном параде отдаешь честь павшим, а рядом с тобой – правнук Димка, уже большой, глядя на которого (и на тебя) я желаю, больше – уверен, что ты дождешься и правнука, и с ним тоже как-нибудь в этот майский день, встанешь у Вечного огня...

Получил я и детскую книжку – спасибо.

Живу снова один – Оля и Алеша уехали странствовать по Армении. Я же – по утрам делаю свою гимнастику – 600-700 движений (десяток разнородных упражнений), потом минут 45-50 быстрая ходьба за газетами на почту (у меня большая почта, поэтому хожу за ней, не хочу утруждать почтальонш, да и соблазнять мелких воришек), заглядываю в магазины (хлеб, еда) и возвратившись домой завтракаю легонько, кормлю кота и сажусь за работу, а кот – укладывается спать. Так мы и живем – я много работаю, кот – много спит. Разделение труда... Но на сон я не жалуясь, сплю не очень много – 6-7 часов, – но вполне мне достаточно. Вечером – прогулка час, два, в лесу, или по зеленым измайловским бульварам – и то и другое рядом.

Ват так и живу. Конечно, иногда вклиниваются неотложные дела – партсобрание, встречи с людьми, приготовление пищи, сего дня, например, сварил себе обед дня на четыре-пять. Но все это не тяготит – разрядка.

В августе с Алешкой уедем в Абрамцево, на дачу. Будем там купаться в родниковой Воре, ходить по лесам, собирая грибы и малину, которая в этом году уродилась хорошо и... работать... Без этого не могу.

За газеты, которые ты мне присылал – огромное спасибо. Сейчас привел все в порядок. Если будут появляться материалы об Омске, истории его, о людях и другие подобные, и, если тебе не трудно посылать вырезки мне, – буду только благодарен...

Обнимаю,
желаю здоровья,
твой
В. Утков (автограф).

22 августа [1983 г.]

г. Москва

Дорогой Сергей!

Завтра заказной бандеролью высылаю тебе «Реку Тишину» Л.Н. Мартынова – сборник его стихов, написанных им до 30 лет. Большинство из них написаны в Омске. Так что это, по существу говоря, книжка Омская.

Начал собирать эту книжку Л.Н. незадолго до своей кончины, а закончила – Г.А. Сухова.

Книжкой этой «Молодая Гвардия» начинает новую серию «В молодые годы».

Жму руку и желаю самого лучшего,

В. Утков (автограф).

5 декабря 1983 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Давно от тебя нет весточек. Что случилось? Не заболел ли? Откликнись!..

Я живу по-прежнему. Открыл лыжный сезон. Много работаю, но пока ничего еще не вышло. Все пока в деле...

В ноябре ездил в командировку, в Молдавию. Пробыл там десять дней. Читал лекции по книжным делам...

Пиши, друг, как твои дела... Жду...

Жму руку,

В. Утков (автограф).

19 февраля 1984 г.

г. Москва

Дорогой друг Сергей!

Кажется, всё было так недавно – омский июль, меня провожают в Армию. Все мои друзья и знакомые еще остаются, я ушел первым, подав заявление добровольцем... Кажется все это было еще вчера... Помню маму, отца, брата, Сашку Нестерова, тебя, твоих дочерей, особенно младшую – у Вас жили уже эвакуированные из Москвы... А ведь прошло уже более 40 лет!.. Но всё живо, всё перед глазами...

В эти дни вспоминаешь обо всём этом, о друзьях, не вернувшихся домой, о тех, кто вернулся с победой... Мало их осталось уже и с каждым годом становится всё меньше... Тяжело об этом думать...

Вот и делюсь я с тобой – вернувшимся с победой, славным воином, – воспоминаниями... Иначе и нельзя!..

Шлю тебе и воспоминания, и поздравления с Днем Нашей Армии и пожелания долгих-долгих лет тебе жизни, здоровой, деятельной, счастливой...

Немного у меня осталось друзей, которых я могу поздравить с этим праздничным днем...

Живу – по-прежнему: работаю много, стараюсь и отдыхать нормально, хожу на лыжах, правда уже не бегаю как раньше, но всё же бегаю...

Обнимаю,
твой

В. Утков (автограф).

16 ноября 1984 г.

г. Москва

Дорогой Сергей!

Получил газету с очерком о тебе. Очень рад. И недоволен омскими издателями – им бы заняться вплотную твоими фронтовыми материалами, помочь тебе сделать книгу. Нужную, полезную!..

Какое хорошее письмо написал тебе П.Л. Драверт. Жаль, что я не знал о нем раньше – обязательно бы вставил в свой очерк «Встречи с Дравертом». Может быть пришлешь мне копию этого письма? Использую, конечно, с ссылкой на тебя...

Я немного переработал. Стал уставать и вообще снизилось самочувствие. Но – это, конечно, временно. Налажу!..

Желаю тебе самого доброго, обнимаю,
твой

В. Утков (автограф).

19 февраля 1986 г.

Дорогой Сергей Иванович!

Прими мои сердечные поздравления с Днем Советской Армии, которой ты отдал так много лет, служил отлично, не щадя себя.

Желаю еще много-много раз поздравлять тебя с этим славным праздником, дорогим и нам с тобой и всему нашему народу.

Обнимаю,
твой В. Утков (автограф).

4 февраля 1987 г.

г. Москва

Дорогой Сергей Иванович!

Рад был получить от тебя более подробную весточку, а не только поздравление с датами... Собственно я и сам не очень щедр на письма. Оправдываю себя занятостью, но оправдание ли это? Скорее отговорка... Всегда можно найти время для письма старым друзьям...

В этом году мне «стукнет» 75, возраст солидный, ранее он был где-то далеко, в пределах недосягаемости, а вот и подошел! А там маячат и другие рубежи... И все спешишь, успеть бы! Успеть бы свершить задуманное, хотя

бы частично... Вот и жмешь на все педали!.. Единственно, что я себе позволяю безукоснительно – зимой: прогулки на лыжах, летом: пешие прогулки. Часа по два, два с половиной... Я всегда знал, что забывать о теле нельзя, да и ты в этой части отличный пример...

Что касается подготовки архива – то это абсолютно необходимо. Никто лучше нас его не подготовит, только почему-то все время откладываешь это важное дело... Это, конечно, очень плохо, надо готовить архив свой, нужно приводить его в порядок. Особенно ясно мне стало это сейчас, с годами, да и после смерти Л.Н. Его архив абсолютно не был готов. Достанься он другим людям – большинство бы погибло безвозвратно. Теперь же его вдова с дочерью толково сохраняют архив, приводят его в порядок и начинают даже публикации из него. Но это счастливый случай. Не всегда он будет...

Хочется еще и поездить по стране, хотя я и ездил много, но жадность свою к поездкам не утолил. В минувшем году удалось мне побывать в Иваново и в Костроме, в Костромской области. Каждая поездка дала много и – не была тяжелой, а в феврале минувшего года слетал в Иркутск и оттуда еще на 500 км на север в Радищевские места, очень много видел интересного, поучительного, как говорится людей посмотрел и себя показал. Впрочем, последнее этот так, для красного словца... Выступал я там на Первых радищевских чтениях с докладом «Радищев в Илимске».

Желаю тебе самого доброго, прежде всего здоровья и бодрости. Да, получил я письмо от М.К. Махрова, он занимается подготовкой материалов по созданию издательского музея в Омске. Кроме всего прочего, я порекомендовал ему обратиться к тебе...

Жму руку,
В. Утков (автограф).

С.И. Веремей – В.Г. Уткову

11.04.82 г.

Мой старый и стойкий друг, поздравляю с семидесятилетием. Шагать тебе да шагать еще многия лета, встречая в пути творческие успехи да житейские радости.

Крепко обнимаю, твой Сергей.

29.01.83 г.

ЗДРАВИА ЖЕЛАЮ, ДОРОГОЙ ДРУГ!

Твое сообщение о журнале «Вопросы литературы» оказалось для меня сюрпризом. Спасибо! Конечно же, я не знал об этом. В тот же день сходил в Пушкинскую библиотеку, прочел. Мне почему-то очень захотелось где-то, кому-то рассказать о своих фронтовых встречах с Б. Полевым, М. Матусовским, С. Михалковым, Ю. Левитанским... С Полевым, например, во времена Курской битвы сотрудничал с ним в подготовке корреспонденций в «Правду». Делился с ним заметками из своей фронтовой «Хрестоматии», давал ему фотографии. Потом все это в том или ином виде за его подписью появлялось в газете. Некоторые вырезки и иллюстрации у меня хранятся до сих пор. С Левитанским был три года однополчанином. Он служил /работал/ в газете 53-й армии, а я был инструктором политотдела той же армии. Жили в одной землянке, спали на нарах, покрытых пихтовыми «лапами», ели из одного котелка пшеничную кашу, выполняли одни и те же боевые задания, по приказанию Военного совета армии вместе добывали сведения, которые передавали в Москву для помещения в сводки Совинформбюро.

У тебя, когда ты жил на Кузнечной улице /ныне Маяковского/, мы большой кампанией встречали новый, 1940-й год. Тогда по программе веселого дивертисмента, соблюдая придуманный тобою порядок, ты вручал каждому новогодние пожелания в письменном виде. Посмотри на такой листок. Кто был автором текста, кто рисовал? Верни, пожалуйста.

Вчера присутствовал на открытии музея. Об этом будет немало напечатано в местных газетах. Всё интересное вышлю тебе. Вот теперь можно сказать: «Литературный музей в Омске есть!» То, что уже вошло в экспозиции – большая ценность. Много интересных экспонатов. Экскурсовод добрым словом поминал и тебя. Есть в витринах материалы мои и обо мне. Приятно было слышать и видеть!

Виктор, хочешь, я тебе сделаю для конвертов штемпель с твоим адресом? Такой, какой ты видишь сегодня на моем конверте? Напиши полный, совершенно правильный текст и, не задерживаясь, посылай.

Завершая последнее письмо ленинградским родственникам, я написал: «Живу обычно, но красиво, интересно, увлечённо». Об этом, заканчивая свое послание, пишу и тебе. Да и на самом деле это так. Работаю много. Досажаю на нехватку времени. При встрече со знакомыми на их «дежурный» вопрос: «Ну, как здоровье?» – отвечаю: «Наипрекраснейшее!» Вот так, дружище!

Будь здоров. О твоих самых близких родственниках не спрашиваю. О них ты никогда не упоминаешь.

Летом собираюсь съездить в места, где прошло детство. Подумываю посмотреть мемориальные сооружения Сталинградской битвы.

Обнимаю, Сергей.

Из переписки **Бориса Григорьевича Пантелеймонова**²¹

Б.Г. Пантелеймонов – И.А. Каблукову²²

4/Х – 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Я в настоящее время отдыхаю в Симеизе и пользуюсь оказией, чтобы известить Вас о результатах моих работ в Саках.

Хлор магний удалось получить в плавленном состоянии (в виде совершенно твёрдого камня, постепенно расплывающегося на воздухе). Сделано около 100 пуд., но главное – установлен практический метод получения на будущее. В Москву отослали 8 барабанов.

Основная углемагниева соль получается очень хорошо, и я преподавал инж. Тенеру все практические указания.

Так что теперь дело только за тем, чтобы продукт был высокого качества, и чтобы Москва вовремя поддержала завод, чтобы дело не заглохло.

О произведённых работах и намеченных возможностях составлен протокол, который, равно как посланные мною доклады Фатьянову и Мельстрою, я имею для Вас в копиях.

В Москву я вернусь около 20/Х.

Если бы я Вам понадобился до этого времени, то мой адрес: Симеиз, дача Тихий уголок (около мечети).

С уважением

Пантелеймонов (автограф)

²¹Пантелеймонов Борис Григорьевич (17(31).07.1888 – 17.09.1950) – химик-инженер, писатель-эмигрант, уроженец села Муромцево Омской области, в мемуарной прозе писал о малой родине, Сибири. Дружил с И.А. Буниным, Н.А. Тэффи, А.М. Ремизовым. См. публикацию И.А. Махнановой в данном сборнике.

²² Печатается по рукописи, Архив РАН, фонд 474, опись 3, №599. Каблуков Иван Алексеевич (21.08/02.09.1857 – 05.05.1942) – русский и советский физикохимик, почётный член Академии наук СССР (1932), Герой Труда. В начале XX века изучал соляные промыслы Крыма, что позволило впоследствии при непосредственном участии Б.Г. Пантелеймонова организовать в Крыму бромный завод.

Б.Г. Пантелеймонов – Н.П. Емельянову²³

3 окт. 1946

Господину Генеральному Консулу СССР
Н.П. Емельянову

Многоуважаемый Николай Петрович.

Вчера был у Вас с личным докладом для обсуждения моей поездки на пароходе, отходящим 10 октября. Вы ещё раз указали мне, что поездка на этом пароходе, в виду необходимости ликвидации моего дела, являлась бы неблагоразумной.

Но в тот же день я получил официальное письмо из Консульства, где меня «вторично» извещают, что необходимо быть готовым к отъезду 10-го.

Заявляю Вам, что первого извещения я не получил, а вообще готов бросить всё, чтоб немедленно поехать в СССР. Если первая повестка вызвана недоразумением, то прошу принять меры, чтоб французские власти не были поставлены о моём объезде 10 октября. Такое извещение могло бы иметь последствия для ликвидации дела.

С приветом

[подпись отсутствует]

²³ Публикуется по копии с машинописи, Архив РАН, фонд РV, опись ЗП, №6. Емельянов Николай Петрович – Генеральный консул СССР в Париже. Б.Г. Пантелеймонов, как и другие представители русской эмиграции, в том числе А.М. Ремизов, принял после окончания Второй мировой войны советский паспорт. Б.Г. Пантелеймонов в этом же месяце писал А.М. Ремизову, упоминая Н.П. Емельянова (в письме – Н.П.).

Б.Г. Пантелеймонов – А.М. Ремизову²⁴

21 октября 1946 г.

Дорогой Алексей Михайлович.

Когда мы ехали с Н.П.²⁵ он все мне говорил: «Ну, как же в жизни это так. Человек написал много книг, его знает весь свет, никому не делал зла, а только пользу, его деятельность редкая и почитаемая, – а вот под старость общество его оставляет одного. Трудно это как-то понять». Я, конечно, тут ему подогнул что надо. Он говорит: «само собой разумеется, но ведь государство это такая машина сложная, все это делается, но надо ждать». Я нашел некий корректив и на днях буду беседовать с ним о деталях.

Думаю, удастся что задумал. Вам не писал и не заходил, был в отъезде. Действительно я немножко болен.

На днях буду у Вас

Крепко Вас целую и обнимаю.

Ваш <Б. Пантелеймонов>

А.М. Ремизов – Б.Г. Пантелеймонову

24.X.1946

Дорогой Борис Григорьевич.

Сейчас написал Николаю Петровичу²⁶ о прекращении розысков Наташи²⁷.

Наташа померла в последние дни оккупации, когда приходилось прятаться по лесам, умерла в больнице.

Мне очень неловко, попрошу только — у меня всего 1000 фр. — на паних<ид>у никак не хватает.

Прошу вас. Но вы мне столько давали, вот почему просить неловко.

Алексей Ремизов

²⁴ Ремизов Алексей Михайлович (24.06/06.07.1977 – 26.11.1957) – русский писатель. С 1921 года жил в эмиграции. Умер в Париже.

Подробнее см. Енишерлов В.П. «В наше суровое, не сказочное время...» Письма А.М. Ремизова и Б.Г. Пантелеймонова / Наше наследие, 2013, №107. Письма от 21 и 24 октября 1946 года публикуются по ксерокопии с машинописи. Архив журнала «Наше наследие», URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10706.php>(дата обращения 20.12.2017).

²⁵ Емельянов Н.П., см. примечание к письму Б.Г. Пантелеймонова от 3 октября 1946 года.

²⁶ Ремизов А.М. обращался в официальные учреждения о розыске дочери, пропавшей без вести в годы войны, только через два года он получил подтверждение о её смерти в 1943 г.

²⁷ Ремизова Наталья Алексеевна (1904–1943), дочь А.М. Ремизова и С.П. Ремизовой-Довгелло.

Б.Г. Пантелеймонов – П.М. Бицилли²⁸

8 марта 1947 года

Многоуважаемый г. Бицилли.

Благодарю за присылку Ваших книг. Читаю сейчас с наслаждением.

Г.В. Адамовичу позвонил – он зайдёт за своими экземплярами. Исполняю Вашу просьбу об адресах.

Послать надо бы –

1) А.М. Ремизову;

2) Н.А. Тэффи;

3) С.К. Маковскому;

4) А.В. Руманову;

5) В.А. Корвин-Пиотровскому.

Кроме того, надо бы послать в Америку:

6) Pregal;

7) Mrs. Graham;

8) Mrs. Rosen.

Со своей стороны, обращаюсь к Вам с просьбой: не можете ли Вы указать в Софии книжный магазин, который взял бы на себя распространение Русск. Сборника в Болгарии. Мы были бы согласны уступить оставшиеся 100 экз. по 50 фр. (вместо 200) предоставив к тому же право уплатить по распродаже или сразу в обмен на высылку нам словаря Даля или Ушакова.

И.А. Бунин читал мне Ваше лестное для него письмо о тёмных аллеях.

Н.А. Тэффи вспоминает Вас. Имеете ли Вы её последнюю книгу «Всё о любви»?

С.Ю. Прегель я просил высылать Вам «Новоселье» – единственный неполит. журнал, где все печатаются.

В мае выходит книга моих рассказов – пошлю Вам.

С совершенным уважением

Пантелеймонов (автограф)

²⁸ Печатается по машинописи, Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, фонд 804. Бицилли Пётр Михайлович (13.09.1879 – 25.08.1953) – русский историк, литературовед, философ, профессор Новороссийского и Софийского университетов.

О.Ю.Караваяева

О пополнении музейных коллекций БУК «Музей Достоевского» в 2017 году

По состоянию на 01.01.2018 года в учётной документации БУК «Музей Достоевского» зарегистрировано 23009 единиц хранения, из них 18713 – предметы основного фонда, 4296 – научно-вспомогательного.

Согласно экспертным заключениям об историко-культурном значении предметов БУК «Музей Достоевского», заявленным для включения в состав государственной части Музейного фонда РФ, в 2017 году были приняты на хранение 473 предмета, из них 432 предмета – в основной фонд, 41 предмет – в научно-вспомогательный. В том числе: предметы печатной продукции – 192 ед., коллекции редкой книги – 89 ед., коллекции документов – 71 ед., фотоколлекции – 54 ед., изо коллекции – 13 ед. (живопись – 1 ед., графика – 10 ед., скульптура – 2 ед.), предметов быта – 4 ед., коллекции «нумизматика» – 1 ед., коллекции «прочие» – 8 ед.

Традиционно музей собирает материалы, относящиеся к жизни и творчеству Ф.М. Достоевского. В 2017 году коллекция писателя пополнилась изданием «Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского» / Ред. и вступ. ст. А.А. Достоевского. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1930 (первое издание «Воспоминаний» младшего брата Ф.М. Достоевского – Андрея Михайловича).

Ценность для музея представляют «Записки из Мёртвого дома» на английском языке, выпущенные в 1916 году в Лондоне; книга воспоминаний А. Сусловой «Годы близости с Достоевским»: переиздание книги К. Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого. Ф.М. Достоевский — жестокий талант».

В фонды музея поступили книги современных достоевсковедов: Н. Ашимбаевой «Прошлое и настоящее дома на Кузнечном», И. Волгина «Последний год Достоевского», «Достоевский о нас» (составитель В. Вайнерман). Особый интерес для исследователей творчества писателя представляют альбомы: Б. Костыгов «Иллюстрированные комментарии к роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» и «Театр Достоевского в работах художников сцены».

В ряду изобразительных источников можно выделить: необычный портрет Ф.М. Достоевского, выполненный на пластине из бивня мамонта, и памятную монету с изображением Воскресенского собора, подаренные омовским художником – микроминиатюристом А. Коненко; две работы из новой серии фотоколлажей «По местам каторги Ф.М. Достоевского» художника И. Николаева; миниатюру с монумента работы С. Голованцева «Достоевскому» (работы Л. Карепина).

В коллекцию также включены: набор открыток «Достоевский в Омске», изданный в 2016 г., открытка с изображением дома-музея Ф.М. Достоевского в Старой Руссе, буклет «Фёдор Достоевский», изданный к 190-летию со дня рождения (г. Новокузнецк), фото и книги о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского, присланные из музея Поленова.

В коллекцию музейных предметов «Литературная премия имени Ф.М. Достоевского» поступили книги, биографические материалы конкурсантов 2016 года, переданные членом жюри конкурса, писателем, директором музея В.С. Вайнерманом. Книгу новых стихов, выпущенную в московском издательстве «Русский писатель», подарил лауреат Областной молодёжной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (2000 г.) С.Крих.

Коллекция «История музея» пополнилась рукописным журналом «Летопись жизни музея» за 1998–2008 гг.

Пополнились музейные коллекции писателей: С. Ауслендера, П. Васильева, Г. Вяткина, С. Залыгина, М. Малиновского, В. Озолина, Б. Малочевского, Т. Белозерова.

Омский коллекционер В.Н. Печурин передал в музей издания разных лет сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок».

Коллекция музейных предметов Всеволода Иванова пополнилась книгой «Тайное тайных», изданной в 2012 г., а также научным изданием материалов биографии и творчества, подаренных сотрудником Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук, кандидатом филологических наук, внучкой писателя Е.А. Папковой, а также сборником трудов межвузовской конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения Вс. Иванова (Омск, 1970). В 2016 году при участии музея в журнале «Сибирские огни» напечатан ранее неизданный роман Вс. Иванова «Перспектив Ильича», первая редакция которого хранится в музее, в дар музею переданы номера журнала с указанной публикацией (№№ 7-12).

Коллекция музейных предметов И.А. Токарева пополнилась предметами, книгами, документами, фотографиями, переданными его сыном А.И. Токаревым

В коллекцию В.П. Рожкова переданы дочерью писателя И.В. Рожковой вещи, книги из личной библиотеки с дарственными надписями.

В коллекцию музейных предметов В.Г. Уткова включены фотографии, документы, редкие книги, предметы печатной продукции, экслибрисы, переданные в музей дочерью Устиновой О.В.

Пополнились коллекции музейных предметов современных омских писателей: Н. Кузнецова, Ю. Морениса, В. Вайнермана, И. Егорова, Ю. Перминова, Л. Трутнева, В. Ерофеевой-Тверской.

В фонды музея были приняты периодические издания, отражающие современный литературный процесс: «Складчина», «Литературный Омск», «Литературный ковчег», «Иртыш – Омь», «Омская муза».

Омский композитор Л.В. Федоров передал в фонд музея книгу песен и романсов на стихи омских поэтов «Город мой прекрасный и былинный», выпущенный к 300-летию Омска и CD-диски «Первый в Сибири»: (музыкальное посвящение музею).

В целом предметы и документы, поступившие в музей в 2017 году, отражают развитие региональной литературы на разных этапах ее развития, соответствуют разработанной и утверждённой концепции комплектования музейных коллекций Омского государственного литературного музея имени Ф.М. Достоевского.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Овчинникова О.Ю.

Комментарии к сказкам из книги «Суворушка»

При изучении текстов сказок отметим следующие направления для исследования:

- «сибирское» (в том числе диалектное, малоизвестное);
- «современное».

Представим подробнее указанные направления, с примерами из текстов и ссылками на общедоступные источники.

«Сибирское»

1) «Если не приведешь, я тебя казню – повешу или в дальние города отошлю», – говорит царь, т.е. повесить или сослать в ссылку, в Сибирь, например, считается равноценным наказанием. Опосредованно, но подчёркивается или напоминает, что «отдалённость», как правило, приравнивается к смертной казни.

2) «Идет урманом, степью, никакая деревня не попадает».

Урман – муж., в Тобольской губернии, урман, татр, лес, особенно хвойный; дремучие, обширные леса по болоту; в зап.-сиб. урман, что в вост. тайга, дикие, необитаемые леса, на огромном просторе: ель, сосна, пихта, кедр и пр. Урманый, к лесу относящийся; также медведь²⁹.

3) «Суворушка, вон корабль бежит, давай созовем корабельщиков чай пить».

В Россию чай попал раньше, чем в Европу, но позже, чем на Восток. В 1567 году два казачьих атамана Петров и Ялышев, побывавшие в Китае, попробовали и описали этот напиток, а также привезли в подарок царю Ивану Грозному от китайского императора коробочку с дорогим жёлтым чаем. В 1638 году русский посол Василий Старков привёз в подарок царю Михаилу Федоровичу от монгольского хана 64 кг чая. В 1665 году чаем лечили царя Алексея Михайловича. Со временем чай добрался до Сибири.

Увлечение чаепитием распространилось в Сибири еще в конце XVIII в. Сибирский историк XIX века П.А. Словцов в своем «Историческом обозрении Сибири» рассказывал: «В порядочной городской семье тогда имели, раза по 3 в день, чай с медом или леденцом, в Иркутской же Сибири чай затуран»³⁰.

²⁹Даль В.И. Толковый словарь живаговеликорусского языка. 1863-1866. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1069894>

³⁰Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Ч. IV. СПб., 1886. С. 289–299.

Известный общественный деятель Н.М. Ядринцев, критикуя сибирское купечество, отмечал что «...день начинается ...за чаем, ...вечером чай...»³¹.

«В будние дни вставали очень рано, пили чай и завтракали, зимой и осенью при свечах. Обедали в будние дни, когда было многодел, около двух часов, часа в четыре или пять снова пили чай, а часов в восемь или девять ужинали. Особенности сибирской кухни единодушно назывались: обилие жирной пищи и пристрастие сибиряков к чаепитию»³².

Удовольствие это было для того времени довольно дорогим, и этот напиток служил символом благосостояния, в чаепитии выражалось отличие купцов и чиновников от простых горожан и крестьян. В воспоминаниях путешественников А.Н. Радищева, А.П. Чехова, Н.А. Рубакина, а также современников-сибиряков находим многочисленные упоминания о сибирских традициях чаепития³³.

Тарский историк А.А. Жиров отмечал: «Чай пили не менее 3–4 раз в день. Чаепитие сопровождалось молоком, булками, вареньем, пряниками. Этот напиток был обязателен при приеме гостей. К концу XIX в. чаепитие в Сибири становится непременным атрибутом деловой беседы, отдыха, семейных вечеров. Сибиряки любили так называемый «кирпичный» чай, представлявший из себя прессованную чайную крошку, байховый пили гораздо реже. Байховый дорогих сортов продавался преимущественно в Центральной России и крупных сибирских городах»³⁴.

4) «Бабушка-задворенка», от сиб. – задворная изба.

Ср. Задворный – находящийся «в конце двора», где обычно располагаются «небольшие постройки» «для молодого скота, стирки, посиделок и т.п.» [Словарь русских народных говоров – далее СРНГ, в.10:47]. «Задворенка 2.Женщина, живущая на задворках, на задворне (в 1-и и 3-м значении). <> Бабушка-задворенка (задворёнка). Старушка, живущая в одиноко стоящей избушке; обычно добрая колдунья, содействующая герою сказок в достижении его целей» [СРНГ, в.10:45]. Задворня 1. «Место за двором (дворами), позади избы (изб), где располагаются скотный двор, огород, гумна и т.д. зады, задворки» [СРНГ, в.10:46]. Задворня 3. «Задняя, последняя улица в деревне, построенной в несколько порядков» [СРНГ, в.10:47]. Таким образом, бабушка-задворенка, с одной стороны принижена и неказиста, как все волшебные помощники, а с другой – изолирована и отдалена от остальных, как все носители сверхъестественных способностей³⁵.

³¹Ядринцев Н., Семилужский Н. Письма о Сибирской жизни // Дело. 1868. N 5. С. 73.

³²Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004, с.66-67.

³³Петров М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 85.; Чехов А.П. По Сибири (путевые очерки и письма). Иркутск, 1939. С. 68.; Рубакин Н.А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М., 1908. С. 74; Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 72.

³⁴Жиров А.А. Чайный путь и Кяхта // Земля Иркутская. 2000. N 12. С. 66.

³⁵Кретов А.А. Составные номинации в русских народных сказках. URL:

Задворный человек, стар. дворовый, живший на барском задворке³⁶.

5) «Суворушка».

СУВОРЫЙ сиб., пермяц., олон. суровый; брюзгливый, сердитый; безобразный, рябой, изуродованный оспою. Суворь, нелюдим, брюзгач, сердитый или малословный. Сказка о Суворе мужичке. Суворина жен., архан. рубец, знак от бывшей раны, болячки. Суворотья сев., вост. сердиться, дуться или упрячиться. Суворь жен., вор. крепкое место в дереве, на суку³⁷.

Словарь древне-русских личных собственных имён – Сувор(древне-русское мужское имя) – ЯкушСуворик, крестьянин, 1495; СуворГригорьев сын Жуков, москвитин, 1525; Иван Сувор, сын московского отчинника, 1526; Фома Сувор Петров сын, св., 1538; Суворко Ушаков сын Онфимова, крестьянин во Владимирском уезде, 1556; СуворкоМалчинов, посол Ивана IV, 1565; Василей Михайлов сын Сувор, староста Умской волости (в Поморье), 1577; Saworka, крестьянин, зап., 1679³⁸.

б) «Сорокопегая кобыла сорок пежин с пежиной».

ПЕГИЙ – арх. сиб. пеганый, пестрый, особ. двуцветный; пятнастый, в светлых пятнах по темному полю, или наоборот; говор. более о лошадях в белых больших пятнах; в малых пятнах: чубарый, крапчатый; рогатый скот не пегий, а пестрый, а собака: рябая. Лошадь: рыжепегая, буропегая, воронопегая, гнедопегая, серопегая, соловопегая, буланопегая, чалопегая. Найди ты мне пегую кобылу, да чтоб была одной масти! шуточн. Гурий на пегой кобыле (грязь и снег, 15 ноября). Пегота ж. пегость, состояние, качество пегого. Пежина ж. белое или светлое, крупное пятно по темной шерсти. Стали пегашку делить – всем братьям по пежинке досталось! Пеганка, пегашка, пегач, пежанка, пегая лошадь. | Утка пеганка, земляная утка (она вьет гнездо в норах), Anastadorna. Пегавый конь, с одной пежиной на одном боку. Пежить что, делать пегим, наводить пежины, пятнать. Цыган коня пежил, чтоб не узнали. | Камч. давить за горло?³⁹

Отметим особенности бытования понятия в сказках.

Конь и звезды. Куда бы герой ни отправлялся, верным и незаменимым спутником его становится конь. Он связан с солнцем и тридесатым царством. Чудесный сказочный герой – конь в звездах, с месяцем и солнцем, с золотым хвостом и гривой – появляется ночью и излучает ослепительный свет⁴⁰.

<http://www.ruthenia.ru/folklore/kretov5.pdf>(дата обращения: 26.12.2017)

³⁶ Даль В.И. Толковый словарь живаговеликорусского языка

³⁷ Даль В.И. Толковый словарь живаговеликорусского языка
<https://slovar.cc/rus/dal/577208.html>

³⁸Словарь древне-русских личных собственных имён <https://tupikov.academic.ru/3659/%D0%A1%D1%83%D0%B2%D0%BE%D1%80>

³⁹ Даль В.И. Толковый словарь живаговеликорусского языка, URL:
<http://www.slovorod.ru/dic-dal/dal-p/dal-pe.htm>

⁴⁰https://infourok.ru/obraz_konya_v_russkih_narodnyh_skazkah.-168919.htm

Следует указать еще на одну особенность облика коня. У него «по бокам часты звезды, во лбу ясный месяц». Легко представить себе, что конь, как посредник между небом и землей, мог быть наделен признаками неба. В «Ригведе», к примеру, небо сравнивается с конем, украшенным жемчугами⁴¹.

7) «Вскулубалось море».

От слова «клубиться».

8) «Кривой Ирахта» (в сказке «Иван и его лебедушка-жена»)

Ярахта (Ерахта, Ирахта), в «Киприановом завещании» (КЗ), он упоминается как «водяной бес Ярахта». Обращаясь к одному из вариантов апокрифической Западносибирской легенды о сотворении мира, находим следующее: Бог, занятый творением мира, передает свои функции Михаилу (в ранней версии у гностиков – Михе), а Сатана, подражая господу, – старому черту Кривому Ерахте и бесу Анцыпыру (в русской традиции видимо бес прижился под именем Анчутка, Антип, Антипка и пр.).

В фольклоре Ерахта встречается в сказках «Три копеечки» (где оказывается побитым за хвостовство своими же братьями-чертями); «Федор Бурмакин и Вавилонское царство» (где главный герой ослепляет беса подобно Одиссею); в Записках Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии и т.д.

В материалах УдГУ находим вызов: зажигают 12 лучин и говорят: «12 лучин, 12 кручин, дым белый, дым черный, как ты, дым, въешься, извиваешься, по всему свету скитаешься, иди разыщи р.б. (имя) и войди ты в его ретивое сердце, алые губы, белые зубы, ясные очи, черные брови, чтоб он, р.б. (имя) сох, тоскавал, покоя не знал. Ирохта кривой, гони моего р.б. (имя) ко мне домой, под бока подтыкай, покоя не давай. Аминь».

Любопытна так же легенда о происхождении названия села Ерахтур в Шиловском районе Рязанской обл.: «Ерахт – имя одноглазого злого лесного духа, которого боялись и почитали далекие предки мордвы – эрзи, покровителя белок. «Ур» – означает белка, т.е. дословный перевод «белка Ерахты» (к слову белка считалась «нечистым» животным, а не «животным Перуна» как утверждают новые источники) или же священная белка. Можно считать, что когда-то Ерахтур был вроде священного заповедника (охота на данного зверя была запрещена), где происходили мольбища. Существуют и поздние варианты легенд возникновения названия села, однако они не совпадают по времени. Во многих языках (особенно у фино-угорв) корень «Ер» так или иначе обозначал воду (реку, озеро). В русских и инородных сказках Енисейской и Томской губ. (1906 г.) говорится: «ты пойдя в море, очутишься у его, у Кривого Ерахты на лугах»⁴².

9) «Всё выжохлось». «Современные» мотивы:

1) Упоминаются красноармейцы, которые так же называются иногда просто «солдатами» («Суворушка»).

⁴¹Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/11.php

⁴²<http://shkola-magii.ru/index.php/blog/yarahta-erahtairahtha/>

Махнанова И.А.

Лучившийся жизнью. Борис Пантелеймонов: дополняя образ

*к 130-летию со дня рождения
земляка – инженера, ученого, издателя,
писателя...*

Яркая, необычная биография и творчество Бориса Григорьевича Пантелеймонова (1888–1950) представлены в трехтомном собрании сочинений писателя, изданном Министерством культуры Омской области в 2014 году. Ряд архивных фактов, ставших известными уже после публикации очерка о нашем земляке, дополняют его образ новым содержанием.

«Румяный мир земли» Бориса Пантелеймонова сохранился в советской и зарубежной научной литературе, французских книгах, газетах и журналах, немецких изданиях, американских архивах, канадских учебниках, университетских библиотеках островных государств Тихого океана, отечественной периодике, а также – в единственной книге, опубликованной в прошлом веке в Москве, и трехтомнике, изданном через двадцать с лишним лет в Сибири. Его мир охватывает, притягивает. Село Муромцево Бергамацкой волости Тарского уезда» – малая родина писателя, – особенно в первых рассказах, постоянно находится в непосредственной близости. В каждой строчке – параллели судьбы. В основе творчества – автобиографическая проза-воспоминание. Мы стараемся отыскать неизвестные факты, сложить крупницы судьбы нашего земляка.

«При своей английской внешности это была самая безудержная русская натура, – писала о Борисе Григорьевиче Надежда Александровна Тэффи, русская писательница, поэтесса, мемуарист, переводчик. – Наука, химия, открытия – и это было пламенно, в каком-то поэтическом восторге»⁴³. Борис Григорьевич строил химические заводы, добивался разработки новых месторождений и экономии бюджетных средств, преподавал. Был успешным химиком и в годы эмиграции. Но всегда рядом была литература. Он писал в юности, создавал специализированный журнал, публиковал результаты своей научной работы в массовых изданиях.

Литература, по воспоминаниям Н.А. Тэффи, «как-то ошеломила Пантелеймонова». Может быть, потому, что помогла раскрыться всему истинному, «родному». «Родное» («Родная дорога») — его первый рассказ, опубликованный в 1946 году⁴⁴, – суть авторского бытия, творческий манифест, ностальгическое возвращение в годы сибирского детства и юности.

Муромцево. Родные

⁴³ Тэффи Н.А. Мой друг Борис Пантелеймонов // Тэффи Н.А. Смешное в печальном. — М., 1992. С. 479–480.

⁴⁴ Новоселье, 1946, №29-30 (из фонда Бицилли П.М., Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук, Рукописный отдел).

Мать Бориса Григорьевича Фекла Афанасьевна Пантелеймонова (в девичестве – Окунева, выпускница Тобольской гимназии) и бабушка Анна Игнатьевна (в девичестве — Грязнова) – из семей первых поселенцев Бергамацкой слободы, переехавших сюда в конце XVIII века. Прадед Трифон Тимофеевич Окунев был тарским купцом. Дед Афанасий Трифионович продолжил семейное дело. Был владельцем салотопного завода в селе Муромцево, на котором производилось до тысячи пудов сала в год. Имел также свечное производство. Стал купцом 2-й гильдии⁴⁵.

Отец, Григорий Алексеевич, был родом из Ишимского уезда Тобольской губернии. Родился в 1852 году. Определенное время жил в Омске в Новослободском форштадте. Обвенчавшись, вышел в отставку и поселился в селе Муромцево в доме жены. Натура деятельная «до невероятия», отец тринадцати детей, был постоянно в делах, от жизненных забот порой «путая имена» детей, никогда не отчаивался, трудности преодолевал легко, без сомнений, уверенно полагая, что следующее предприятие непременно будет прибыльнее. Умер «города Тары мещанин Григорий Алексеевич Пантелеймонов» в мае 1905 года от внезапного плеврита⁴⁶.

Дядя Бориса, Владимир Алексеевич, сын канцелярского служащего, родился в 1858 году. В отставке поселился в семье брата. Восторженно-ярким сохранился образ дяди в детской памяти писателя. Через долгие годы он вновь ожил. Незабываемые, озорные «Приключения дяди Володи» – замечательная детская проза, с ребяческим юмором, выдумками, размышлениями юного Бориса об окружающем мире. «Пантелеймонов в своем прелестном рассказе “Св. Владимир” – это Марк Твен в его лучших произведениях», – написал профессор Оклахомского университета Гергард Винс⁴⁷. Литературный критик В. Александрова в периодическом литературно-политическом издании «Новый Журнал» отмечала, что рассказы Бориса Григорьевича пронизаны «светлой радостью найденного пути в далекое детство и в мир доброго чуда, которая кажется самой характерной чертой творчества Пантелеймонова»⁴⁸.

Дед Бориса Алексей Петрович воспитание получил в уездном училище «с окончанием курса наук оного». В 1844 году поступил на службу в Бельский уездный суд Смоленской губернии. В 1848 году будучи «канцелярским служителем 3 разряда» подал прошение смоленскому губернатору, касающееся места пребывания в Тобольской губернии высланного в Сибирь отца и выехавших с ним матери Елены Семеновны и

⁴⁵ Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. В 2-х т. / Отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 2012. Т.2, с.115.

⁴⁶ Исторический архив Омской области (далее — ИАОО), ф. 3, оп. 7, ед.хр. 10616, л. 798; ф. 16, оп. 6, д. 681, л. 93.

⁴⁷ Wiens Gerhard. Books abroad, 1947 // ПантелеймоновБ. «Зеленыйшум». Отзывы печати. Издание Е.Н. Розен. Нью-Йорк, 1948. С. 4.

⁴⁸ Александрова В. Художественная проза в эмиграции // Новый журнал. Нью-Йорк. 1949, кн. XXI. С. 229–300.

двух малолетних братьев – Михаила и Николая⁴⁹. Позднее и Алексей Пантелеймонов перебрался в Сибирь. Алексей Петрович в 1851 году «по прошению его» определен канцелярским служащим в штат Тобольского губернского правления. Позднее назначен помощником столоначальника, через четыре месяца – столоначальником, в 1857 году — секретарем Омского городского суда, с 1863 года служил в Омском окружном суде. Сын Григорий родился от первого брака, во втором браке с Гусевой Анной Антоновной родился сын Владимир (дядя Володя) и дочь Александра⁵⁰.

«Дедушка Дигби», прадед Бориса Пантелеймонова по линии отца, по семейной легенде, прибыл «из дальней стороны», возможно, действительно был англичанин. Единственный человек с таким именем упоминается в документах Российского государственного архива древних актов⁵¹. Погружаясь в письма, записи, челобитные — единицы хранения описей фонда «Сношения с Англией», — понимаешь, что наш герой о многом знал, вероятно, по устным преданиям, семейным рассказам своих предков, поэтому в своём творчестве и выборе профессиональных занятий был так последователен.

Во второй половине XVI – первой половине XVII века англичане были представителями Московской компании, по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича имели право года свободно и беспошлинно торговать в России, держать свои дворы в Москве, Ярославле, Вологде, Холмогорах и Архангельске. Известно, что в 1635 году представитель этой компании С. Дигби купил у английского алхимика Артура Ди, личного врача царя Михаила Романова, большой каменный дом возле Ильинских ворот, недалеко от Кремля, где располагался Аптекарский приказ. Размеры купленного дома – около 420 футов в длину и 224 в ширину – свидетельствуют о том, что он жил в роскоши⁵².

Вероятно, дедушка Дигби из одноименного рассказа Б.Г. Пантелеймонова – это тот самый торговый агент Московской кампании, полномочный представитель Англии, посланный в Россию королем Карлом I с грамотой и подарками, прибывший 6 августа 1635 года с женой, детьми и людьми на карбусах к Архангельску. Позднее он получит жалованную грамоту царя Михаила Федоровича о даче ему на десять лет монополии на производство силами русских работных людей и вывоз за границу золы (поташа) в Ярославском, Вологодском, Тотемском, Устюжском и Двинском уездах. По другим историческим источникам, англичанин С. Дигби «в начале 1640-х годов получил монополию на жжение золы для поташа –технического

⁴⁹ Государственный архив Смоленской области, ф. 1, оп. 2, д. 364, л. 1–7; ф. 2, оп. 42, д. 1610, л. 1–2.

⁵⁰ ИАОО, ф. 3, оп. 3, ед.хр. 4915, л. 591.

⁵¹ Российский государственный архив древних актов, ф. 35, ед. хр. 675, оп. 1–4.

⁵² Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. С. 262. Рихтер В. «История медицины в России», М., 1820. Ч. II. С. 142. Подробнее см. в кн.: Фигуровский Н.А. Алхимик и врач Артур Ди (Артемий Иванович Дий), перевод: Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР, под научной редакцией Олега Фомина. URL: <http://www.arthania.ru/node/174> Текст с экрана (дата обращения 15.02.2012).

компонента, нужного для многих производств (суконного, кожевенного, мыловаренного и т. д.), на десять лет по рекам Ваге, Двине и Югу, а также на покупку золы у местных крестьян». Вологда в те годы была важнейшим перевалочным пунктом торгового маршрута Москва – Ярославль – Вологда – Устюг Великий – Холмогоры. Из Вологды осуществлялась связь центра с Сибирью через Устюг Великий и Соль Вычегодскую⁵³...

Вдова Саймона Дигби Ульяна и её племянник Иван Ульянов Хойт уже при царе Алексее Михайловиче продолжили дело. И далёкий праправнук не забудет о своём происхождении и занятии предков. Даже внешне, как вспоминали современники, к примеру, Надежда Тэффи, он был похож на английского лорда.

Города и страны

Взросление и первые шаги самостоятельной жизни Бориса оказались насыщенными. В 1905 году в городе Красноуфимске он подвергался обыску и содержался полтора месяца под стражей⁵⁴ по делу об ученической забастовке в Промышленном училище. Позднее, 22 ноября 1907 года, снова был заключен под стражу по более серьезному поводу. При аресте на этот раз были найдены 15 чистых паспортных бланков и три фотографических карточки убийцы начальника Главного тюремного управления. Спустя два с лишним месяца, 5 февраля 1908 года, премьер-министру П.А. Столыпину в Санкт-Петербург была отправлена телеграмма:

«Голодают Красноуфимской тюрьме девять суток близки смерти многократно подавали прошения жандармское правление произвести дознание отчаявшись ответе голодают просьбы родных администрация не удовлетворяет судят третий месяц дела не сложные допроса не производят просим удовлетворить просьбу мать рычкова брат пантелеймонова».

Родственникам 12 февраля было объявлено, что «телеграфное ходатайство оставлено министром без последствий». Из другого дела известно, что переписка рассмотрена на Особом совещании и по постановлению министра внутренних дел Пантелеймонов и Рычков были высланы под гласный надзор полиции на 2 года, считая срок с 5 мая 1908 года.

Вологодская губерния — следующее место пребывания Бориса. Именно сюда он был выслан и более двух лет пытался доказать свою невиновность⁵⁵. Ссылку отбывал в Усть-Сысольске (об этом мы узнаем из письма Пантелеймонова Питириму Сорокину, русско-американскому социологу и культурологу⁵⁶). Указание на этот город есть и в адресе письма политического ссыльного Б.Г. Пантелеймонова в редакцию петербургской газеты. Протицируем без сокращений:

«Г. Редактор! Прошу не отказать в помещении прилагаемой заметки в

⁵³ Булгаков М.Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII века // Вологда: краеведческий альманах. Вып. 4, 2003.

⁵⁴ Государственный исторический архив Российской Федерации

⁵⁵ Государственный архив Пермского края, ф. 65, оп. 3, д. 295, л. 1–5.

⁵⁶ Питирим Сорокин: избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. — Вологда, 2009.

“Современном слове”. Желательно, чтоб она появилась в ближайших номерах, т.к. возможно, что ее появление может несколько смягчить положение пострадавших ссыльных, о которых я пишу в ней. Гонорар предлагаю определить Вам. С почтением Б. Пантелеймонов (автограф). 10/II. 10 г.»⁵⁷.

Пославший это письмо явно должен был обладать определенной внутренней свободой, иметь независимое мнение, быть уверенным в своей правоте и невинности.

Возвращение на родину, в Сибирь, подтверждается свидетельством о явке к исполнению воинской повинности, выданным Тарским уездным присутствием 15 июля 1910 года за №1770 (по участковому призывному списку №321). При призыве зачислен в ратники государственного ополчения I разряда.

Однако он все еще пребывает в неблагонадежных. Так, 13 октября 1911 года начальник Пермского губернского жандармского управления адресует начальнику Московского охранного отделения следующее донесение: «Состоящий под негласным наблюдением в г. Красноуфимске бывший ученик Промышленного училища Б.Г. Пантелеймонов с женой Агриппиной Герасимовой (имя первой жены! — в другом документе «женат на дворянке Агриппине Герасимовне Максимовой» — И.М.) из города Красноуфимска в последних числах минувшаго сентября выбыл в город Москву». До апреля 1912 года Пантелеймонова будут искать в Тамбове, Тарусе, Калуге — переписка ведомств сохранилась. Только с 22 августа 1912 года он зарегистрирован по московскому адресу в Вятском переулке, д.8.

Московские годы — период профессионального становления. Начиная с 1913 года, в справочнике «Вся Москва»⁵⁸ находим сведения о Пантелеймонове Б.Г., проживающем по указанному адресу. В течение полутора лет Борис Григорьевич выпускает собственное издание. Этот практический общедоступный журнал был посвящен «разработке вопросов мыловаренного производства и связанных с ним парфюмерного, косметического, масляного, маслобойного, выделки аппретуры для тканей и кожи, выделки нефтяных препаратов, смазочных масел и мазей, гарного масла, олифы, лаков, медицинских и дезинфекционных мыл и пр.»⁵⁹.

Негласный надзор, между тем, продолжался: сотрудники московской полиции собирали сведения о Борисе Григорьевиче в тонкую розовую тетрадку, озаглавленную «Мыловар» (выходил ли из дома, в какое время вернулся).

Являясь издателем и редактором журнала «Мыловаренное дело», а также химиком-лаборантом завода Кепа в Москве (ещё одна ранее неизвестная должность! — И.М.) Б.Г. Пантелеймонов 3 октября 1913 года

⁵⁷ Российский государственный архив литературы и искусства, ф.2150, оп.1, ед.хр.2, л.22.

⁵⁸ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1913 год. М., 1913.

⁵⁹ Библиография периодических изданий России. 1901–1916 — Алфавитная часть. Электронное научное издание «Периодика» // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb2/bb2-3672.htm> Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

снова взят под стражу. Дело «прекращено без веских последствий» для задержанного, он был освобожден 7 октября. Основанием для указанных событий послужило требование начальника Лифляндского губернского жандармского управления от 1 октября 1913 года о задержании Пантелеймонова вследствие ареста в г. Риге транспорта нелегальной «эсеровской» литературы, направлявшейся на его имя в город Москву. В данном деле Департамента полиции имеется также отметка, что при обыске «ничего компрометирующего не обнаружено».

В декабре 1914 года – шла Первая мировая – Пантелеймонов был призван в армию и назначен на службу в 192-й пехотный запасной батальон, но потом отправлен на обучение. С таким решением, возможно, связано данное в апреле 1915 года канцелярией МВД свидетельство: «...по приказанию Московского градоначальника, сыну чиновника Борису Григорьевичу Пантелеймонову, вследствие его о том ходатайства для представления при поступлении в одну из школ для подготовки офицеров в военное время, в том, что он, проситель, за время проживания в Москве под судом и следствием не был и ныне не состоит и ни в чем предосудительном полицею не замечен». Пантелеймонов был зачислен во Вторую Петергофскую школу прапорщиков 3 июня 1915 года.

В 1915-1916 годах Б.Г. Пантелеймонов служил в 328-м пехотном Новоузенском полку, получил две награды: орден Святого Станислава III степени с мечами и бантом и орден Святой Анны III степени – за участие в боях у сёл Баламутовка и Живачув в составе 9-й химической команды.

В июне 1917 года Пантелеймонов был избран своей военной частью гласным в Московскую городскую думу (по списку социалистов-революционеров).

Через два года бывший эсер был арестован уже новой, советской властью. В октябре 1919-го он состоял в должности заведующего химическим отделением хозяйственно-материального управления Московской железной дороги. Тогда в адрес Московской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности из Управления железных дорог было направлено письмо о том, что «арест т. Пантелеймонова вредно отзывается на работе вверенного ему Отделения, выполняющего целый ряд ответственных срочных заданий», с просьбой «в интересах дела о срочном его освобождении». Далее, на титульном листе дела имеется скромная отметка «освоб. 15/XI–19 г.». По сути, под арестом Борис Григорьевич находился несколько дней, но... Дата ещё одного (?) ареста – 22.12.19, которая значится в официальной формулировке дела, – осталась без каких-либо сопроводительных документов, также имеется отметка: «07.02.1922 МЧК дело прекращено без указания оснований, из-под стражи освобождён»⁶⁰.

Загадки остаются... Путем сопоставления сведений разных архивов становится понятно, что арест действительно был кратковременным. Из

⁶⁰ Государственный архив Российской Федерации, ф. 10035, оп. 1, д. № П-58300, л. 3–7, 9, 10.

личного дела Российского государственного архива экономики узнаём, что осенью 1919 года Б.Г. Пантелеймонов «от призыва не освобождён и находится на военной службе (Московский окружной комиссариат по военным делам, Военно-окружной штаб, Административно-управленческое отделение по командному составу от 11 сентября 1919 года за № 49946)», командирован Главным бюро учёта технических сил в Хозяйственно-материальное управление. Народным комиссариатом путей сообщения 2 октября 1919 года (в те дни, когда Борис Григорьевич находился под арестом!) возбуждено ходатайство «о зачислении его на особый учёт как железнодорожника».

По документам другой архивной папки, известно, что с 1 января 1920 года Б.Г. Пантелеймонов работал старшим инженером-инспектором бывшего V отдела ЦХС [Центрального химического совета – ?], с 1 июня – начальником Семеновского химического завода, с 24 сентября – инженером для поручений п[ромышленного или производственного]/отдела снабжения. Все должности в послужном списке указаны с соответствующим им жалованьем: зав. химическим отделением – 2900 руб., директор сахарного завода «Фармак» – 3000 руб. в сентябре 1919 года, через год жалованье увеличилось до 5625 рублей.

Продолжая химические научно-практические занятия, в сентябре 1921 года Борис Пантелеймонов направляет две заявки на получение патентов – на изобретение способов очищения амидаортотолуолсульфоокислоты и амидирования жидких сульфохлоридов ароматического ряда. В 1922 году в издательстве «Товарищество “Просвещение”» Борис Григорьевич издает научную работу «Анализ сахара и сахаринсодержащих веществ». В отзывах печати говорилось:

«Книжка Пантелеймонова об анализе сахара заслуживает быть отмеченной. Автором с редким трудолюбием и педантичностью собраны сведения по данному вопросу, раскиданные за тридцатилетний период по многочисленным немецким, английским и американским журналам, причем обработка этого материала должна быть признана безусловно удачной.

Для наших врачей, аналитиков и гос. инспекции книжка Пантелеймонова чрезвычайно полезна, и появление ее как нельзя более своевременно...»⁶¹.

После революции Борис Григорьевич участвует в строительстве частных и государственных химических заводов в Москве, Одессе, Крыму, связанных, в основном, с выработкой углемагниевого соли из рапы.

В мае 1923 года Пантелеймонов подает записку руководителям Государственного акционерного общества «Мельстрой» о необходимости использования залежей хлористого магния в России, а в сентябре 1923 года по его поручению совместно с профессором И.А. Каблуковым производит обследование на Сакских промыслах и Сакском бромном заводе. В заключении авторы отмечают, что предложенная выработка «признается

⁶¹ Известия ВЦИК Советов, 8 августа 1922, № 176 (1615).

безусловно легко осуществимой и экономически настолько выгодной, что продукт можно выпускать по цене, по крайней мере, вдвое меньшей существующей. Возможность выработки по сырью не ограничена и может быть поставлена для всей России»⁶².

В декабре этого же года Крымским государственным соляным трестом заключен договор с инженером Б.Г. Пантелеймоновым на постройку в Саках хлормагниевого и магнезильного заводов по его проектам и методам. В январе 1924 года начала работать временная магнезильная установка, а в июне запущен хлормагниевого завод.

«Прошло четыре года. Крымский завод упятерил свою продукцию, дойдя до восьми тысяч тонн в год. Он стал крупнейшим предприятием почти всего Крыма»⁶³.

В январе 1925 года при поддержке акционерного общества «Мельстрой» издана брошюра «Магниевые соли из Сакского озера и промышленное применение солей магния» – отчет о командировке в Крым. В мае этого же года по ранее направленным заявлениям инженеру Б. Пантелеймонову выданы два патента на химические изобретения⁶⁴.

В марте 1927 года Ф.М. Пантелеймоновой (вероятно, второй женой Бориса Григорьевича) направлено заявление на получение действительным изобретателем Б.Г. Пантелеймоновым ещё одного патента – на изобретение способа извлечения брома из водных растворов. В 1927 году, по опубликованным данным, уже в Одессе, Борис Григорьевич занимается строительством хлормагниевого завода.

В 1929 году Б.Г. Пантелеймонов был направлен в заграничную командировку в Германию для закупки удобрений, участвовал в химическом конгрессе. По просьбе М. Горького написал для советского журнала «Наши достижения» статью «Использование соляных озер (рапные производства)»⁶⁵.

Истинные причины «невозвращения» Бориса Григорьевича на родину, подтвержденные документами, надеемся, станут известны из дальнейших поисков в российских и зарубежных архивах. Скажем только, что в СССР те масштабные задачи, которые ставились Пантелеймоновым в химической промышленности, успешно выполнялись, что в значительной мере влияло на дальнейшее развитие других отраслей советской экономики (медицинской, пищевой, стекольной, строительной, металлургической, оборонной и др.).

В 1930 году горным инженером из Сибири М.А. Новомейским и англичанином майором Таллоком была получена концессия на добычу брома и поташа из вод Мертвого моря. В 1931 году появилась Палестинская

⁶² Пантелеймонов Б. Магниевые соли из Сакского озера и промышленное применение солей магния. М., 1925. С. 124.

⁶³ Пантелеймонов Б. Использование соляных озер (рапные производства) // Наши достижения. 1929, № 2. С. 134.

⁶⁴ База патентов СССР. URL: <http://patentdb.su/1-315-sposob-ochishheniya-amida-ortotoluolsulfokisloty.html> Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013), URL: <http://patentdb.su/2-316-sposob-amidirovaniya-zhidkikh-sulfokhloridov-aromaticeskogo-ryada.html> Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

⁶⁵ Наши достижения. 1929, № 2. С. 128–135.

поташная компания, которая уже через год поставила первые партии брома и поташа на британский рынок. Вплоть до второй половины 1930-х годов Борис Григорьевич активно работал с Новомейским, был его близким соратником и помощником⁶⁶.

В Палестине в начале тридцатых годов Б.Г. Пантелеймонов женился на двадцатилетней Зинаиде Крумбах. После ссоры уехал за ней в Бейрут, где стал работать в красильной лаборатории Леви. После бракоразводного процесса в сентябре 1935 года инсценировал самоубийство (отравление ядом), о чем как о состоявшемся факте сообщили ближневосточные газеты⁶⁷.

В конце 1930-х годов Б.Г. Пантелеймонов уезжает во Францию. В Париже в 1937 году он появился у русского писателя-эмигранта А.М. Ремизова, по рекомендации инженера В. Залкинда. За несколько лет до этого момента Борис Григорьевич направлял Алексею Михайловичу стихи поэтессы Нахичеванской. Возможно, это были его собственные стихи. У Ремизовых Пантелеймонов знакомится с Тамарой Ивановной Кристиной, ставшей впоследствии его женой⁶⁸.

Тамара Ивановна, по воспоминаниям Н.А. Тэффи, «любила и понимала литературу. И у нее было художественное чутье». Работала художником, скульптором. После смерти Бориса Григорьевича, вероятно, отвечая на заданный вопрос, она написала русскому поэту, художественному критику, организатору выставок, издателю С.К. Маковскому: «...у Бориса Григорьевича никогда не было детей – ни в России, ни за границей. И это было для него большое горе»⁶⁹.

За короткое время Борис Григорьевич устраивает свой быт, купив дом в парижском квартале Монруж. Активно занимается научными разработками, выступает с лекциями в Народном университете, Союзе русских дипломированных инженеров, Обществе русских химиков. Темы его выступлений: «Химическая кустарная промышленность. Возможность ее изучения и использования как средства заработка», «Породные бетон и гипс, их свойства, стоимость и возможность производства средствами малых антреприз», «Дисперсная система, жидкость и газ», «Органическое стекло», «Пластические массы»⁷⁰.

Американский журнал «*Rev. Chim. Ind.*» 1 апреля 1938 года печатает статью Б. Пантелеймонова «*Calculation of amount of solar heat energy absorbed in salt works*» о расчете солнечной энергии, требуемой в процессе работы с солями. Ссылка на эту

⁶⁶ Гельман З.Е. Сибиряк и Мертвое море // «Химия и жизнь»: ежемесячный научно-популярный журнал, 2006, №11. С. 53.

⁶⁷ Агурский М. Сибиряк на Мертвом море // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1. 1919–1939 гг. Иерусалим, 1992. С. 88.

⁶⁸ Ремизов А. Стекольщик // Грани. 1952. № 15. С. 3–13.

⁶⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ), ф. 5212, оп. 1, ед. хр. 364, л. 7.

⁷⁰ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. М., 2005. Т. 4. С. 150.

работу хранится в общедоступной электронной базе данных научной литературы министерства энергетики США⁷¹.

В годы Второй мировой войны Борис Григорьевич активно участвует в движении Сопротивления. Профессиональные знания Пантелеймонова, многолетний опыт прикладных химических разработок оказались крайне востребованными в эти трудные годы. В его доме, который стал своеобразной «штаб-квартирой», бывало так: «Спало на полу вповалку у него в кабинете по двенадцать человек. ...Тайно ночью, почти впотьмах, приготавливал у себя в лаборатории взрывчатые вещества. Молодые сотрудники уносили их потом потихоньку в маки⁷²».

В 1945 году культурно-просветительский отдел Союза советских патриотов издает брошюру Б.Г. Пантелеймонова «У подножия промышленной пятилетки. Ударничество. Очерки» – яркий образец просоветской зарубежной публицистики. В этот период он активно сотрудничает с еженедельной литературно-сатирической газетой «Честный слон» (редактор Д.Ю. Кобяков), газетой «Русский (Советский) патриот» (редактор Д.М. Одинец).

С 1946 года Пантелеймонов начинает активно заниматься литературной деятельностью. Знакомится с Н.А. Тэффи, И.А. Буниным. Издает «Русский сборник», пишет рассказы, биографические очерки «Встречи со старыми писателями», публикует статьи в периодической печати. Руководит компанией «ОРТНО», при которой продолжает работать его лаборатория химических исследований.

Вероятно, через влиятельного Аркадия Вениаминовича Руманова, юриста, журналиста, мецената, коллекционера, в то время литературного секретаря газеты «Советский патриот», знакомится с советским послом во Франции А.Е. Богомоловым. Просоветская тематика звучит в публицистике Бориса Григорьевича все более убежденно. Подобная активная деятельность воспринималась за границей неоднозначно. Некоторые представители старой эмиграции смотрели на Пантелеймонова с опаской (особенно Б.К. Зайцев, который всюду искал происки Советов)⁷³. Литературный критик и мемуарист А.В. Бахрах, вспоминал, что «П. “за рюмочкой коньячку” усиленно пропагандировал необходимость получения советского паспорта, и ему, кажется, удалось соблазнить некоторых из “малых сих”»⁷⁴.

Ученый-советолог М. Агурский также счел необходимым упомянуть в своем очерке парижские слухи о том, «что Пантелеймонов якобы правая рука советского посла в Париже Александра Богомолова и спаивает по его заданию Бунина и Тэффи», которые встречались с Борисом Григорьевичем

⁷¹EnergyCitationsDatabase. URL: http://www.osti.gov/energycitations/product.biblio.jsp?osti_id=5120461 Текст с экрана (дата обращения 16.03.2013).

⁷² Партизанские отряды (от фр. maquis).

⁷³ Никоненко С.С. Составление, вступительная статья, комментарии // Бахрах А. Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М., 2005. С. 543.

⁷⁴Бахрах.А. Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М., 2005. С.184.

весьма охотно и оба его очень любили. Некие намеки находим и в недобрых мемуарах Н.Н. Берберовой, русской писательницы, автора документально-биографических исследований. Еще резче о том же сказано в «Биографическом справочнике», приложенном Берберовой к ее мемуарам, в заметке о Сергее Маковском, который «пытался провести в правление Союза поэтов некоего Б. Пантелеймонова, человека подозрительного, который был забаллотирован после того, как я потребовала тайного голосования»⁷⁵. Эти оценочные замечания приведены, чтобы еще раз подчеркнуть сложность, эмоциональную напряженность отношений в среде русской эмиграции, при которых создавались литературные сочинения Бориса Григорьевича.

В июне 1946 года Б.Г. Пантелеймонов публично получает паспорт гражданина СССР⁷⁶. Ведет активную деятельность, являясь председателем нескольких научно-технических объединений. Читает в Комитете «Франция – СССР», Союзе советских патриотов доклады о Сибири, в том числе и на французском языке, в Объединении русских писателей и поэтов во Франции – свои произведения⁷⁷. Издает в парижском издательстве «Подорожник» три книги («Зеленый шум» – 1947, «Звериный знак» – 1948, «Золотое число» – 1949), четвертую – готовит к изданию («Последняя книга» – издана посмертно, Нью-Йорк, 1952). Творческий путь писателя оказался недолгим. Борис Григорьевич умер в Париже в 1950 году. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Наследие. Коллеги и друзья.

Критики отмечали личностное начало в творчестве Б.Г. Пантелеймонова. Профессор Софийского университета, историк и литературовед П.М. Бицилли отмечает, что «в сущности, все его вещи автобиографичны: ведь и “Маклаево братство” символически выражает то же, что высказано во всех рассказах, посвященных дяде Володе»⁷⁸. «Маклаево братство» повествует о путешествии русского ученого Н.Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. «Его жизнь среди дикарей – правдивая повесть. Повесть каменного века, удивительно честная, как непреложно честен был этот святой от науки», – читаем в книге «Звериный знак»⁷⁹.

Другому «святому от науки» – Д.И. Менделееву – посвящена одноименная повесть. Биография ученого-земляка оказала влияние не только на профессиональное становление Бориса Пантелеймонова, но и на его гражданскую позицию. «Он вознесся над землей – только Россия, ее пути в веках. Центр рано или поздно должен оказаться в Сибири. Сто восемьдесят народов России. Шестая часть земли. Но треть ее за Полярным кругом,

⁷⁵ Носик Б.М. Русский XX век на кладбище под Парижем. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-390513.html> Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

⁷⁶ Советский патриот, 5 июля 1946 года, № 89.

⁷⁷Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. М., 2005. Т. 4. С. 150.

⁷⁸Бицилли П. Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье. Париж — Нью-Йорк. 1949, №39–41. С. 200.

⁷⁹ Пантелеймонов Б. Звериный знак. Париж, 1948. С. 9.

безжизненна, мертва. Седьмая часть страны – пустыня. Изменим, изменим, изменим все это! Каналы, рельсы избороздят эти земли», – оптимистично и убежденно утверждает Пантелеймонов устами Менделеева.

Всю свою жизнь Борис Григорьевич находился в поиске «золотого числа»: «как бы ни были различны люди, какие бы века их ни разделяли – ощущение золотого числа свойственно всем и оно для всех одно и то же»⁸⁰. Именно так – «Золотое число» – названа последняя прижизненная книга Бориса Григорьевича.

Борис Пантелеймонов дружил с русскими писателями-эмигрантами. Воспоминания, письма позволяют узнать то особое, что добавляет памятные черты, дополняя образ, сложившийся из прочитанных книг.

А.М. Ремизов так вспоминал о первой встрече с Пантелеймоновым: «Это был не по возрасту белый с зеленью, обветренный в кирпич, в черном сюртуке – в Париже о таких костюмах забыли – тонкий, и ничего отталкивающего». В кругу друзей семьи его стали звать Иерусалимский. По воспоминаниям Алексея Михайловича, имея «жеванный в сеть» импермеабль (плащ) «он все хотел, сердце отзывчивое, помочь нам достать денег». Через непродолжительное время «ему повалило счастье: он открыл лабораторию в Монруже, там и обосновался – целый дом». Позднее его стали звать Стекольный мастер или Стекольщик: «Пантелеймонов изобрел “синтетическое” стекло, заливает цветы и мелких зверей, и они у него под стеклом, как живые...».

Н.А. Тэффи оставила читателям мемуарный очерк «Мой друг Борис Пантелеймонов». Важные детали, которые дают возможность узнать о творческой дружбе:

«Мы любили собираться втроем: Бунин, он и я. Было хорошо. Бунин подшучивал над “молодым автором”. Тот весь излучался от радости этого общения».

«...Бунин писал иногда на полях рукописи: “Что за косноязычие!” ...Пантелеймонов отстаивал свои новые формы. Слушался только того, что дается долгим опытом: избегал длиннот, некрасивых аллитераций, лишних слов – вообще технической стороны литературной работы. Но свое главное отстаивал и хранил свято. Да именно это главное я и ценила больше всего».

А вот что писала Н.А. Тэффи о читательских откликах:

«У него было много незнакомых друзей-читателей. Он вел огромную переписку. Ему писали профессора, и светские дамы, и смотритель вулканов с каких-то диких островов, и доктор Ди-Пи, и чиновник трансатлантического парохода, и все письма были ласковые и благодарные».

Сохранилось рукописное посвящение-автограф: «Надежде Александровне Тэффи, очаровательной, несравненной, умной, исключительно благодарный Б. Пантелеймонов».

В письмах русского писателя, поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина передаются нам тональности звуков, отголоски

⁸⁰ Б. Пантелеймонов. Золотое число. Париж, 1949. С. 90.

добросердечных человеческих отношений. «Седой канадский тигр», «дорогой дядя Боря», «сын трудового народа», «любезный князь Мышкин», «Патриот Патриотович», «дорогой таежник», «милый друг», «любезный собрат», «Пантелей Менделеевич Миклухо-Маклай» – это бунинские обращения к Борису Григорьевичу, порою метко отражающие тематику произведений начинающего писателя.

Поэт, литературный критик и переводчик Георгий Адамович утверждал, что «именно у Бориса Пантелеймонова, состоятельного человека, довольно популярного в то время писателя, которому покровительствовала Тэффи», познакомился «еще полный сил и даже замыслов» Иван Бунин с Константином Симоновым, советским поэтом, писателем, общественным деятелем⁸¹.

Литературный критик Леонид Галич вспоминал:

«Я встретил в моей длинной и пестрой жизни только двух людей, у которых совсем не было врагов: выдуманного Алешу Карамазова и лучившегося жизнью и жизнерадостностью Пантелеймонова». «Пантелеймонов называет злом всякое гневное и даже просто неласковое движение души. Добро у него почти совпадает с лаской и ласковостью, и это видно с самых первых его рассказов. Он был прав, когда писал мне, что сам “служит по доброму департаменту”. Ласковый он был ко всякому человеку, ко всему живому.

...Особый мир или хотя бы особый мирок Пантелеймонова тоже обогащает и преображает наш, во многом скудный, во многом удручающий мир. Веселым, сильным, грациозным пловцом бросился шестидесятилетний новичок Пантелеймонов в реку искусства»⁸².

В литературно-художественном ежемесячнике «Дело», посвященном памяти Бориса Григорьевича, опубликована его фотография за рабочим столом. Внизу подпись: «Тамара Ивановна Пантелеймонова пишет: «Борис очень любил свой письменный стол, и на нем было много “игрушек” – всякие образцы его химических изобретений, собственноручные модели разных замысловатых машинок, под стеклом, покрывающим стол, разложены коллекции русских бумажных рублей и миллионов. Когда у нас была еще обезьянка, она сидела у него на плече, спрятав голову за ухо. И так они работали часами».

О своей обезьяне Ваське Борис Григорьевич напишет в короткой вступительной части к повести «Маклаево братство». Оценивая эту первую главу с названием «Человек и зверь», И.А. Бунин замечает: «Васькой, Вашими чувствами к нему Вы наконец меня очень пронзили, эти чувства большое доказательство, что Вы, кажется, и впрямь очень хороший человек, сердечный, поэт, каковым и должен быть, непременно должен быть

⁸¹Георгий Адамович. Бунин. Воспоминания. // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1994. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1790-1.shtml Текст с экрана (дата обращения 17.03.2013).

⁸² Дело. Сан-Франциско, 1951. № 3.

писатель»⁸³. В переписке двух писателей упоминается ряд произведений Бориса Григорьевича. Особенно необычным, новым для русской литературы оказался рассказ «Цыгане». «Лукавство, дичь, удадь, жуть и хмель воли. Очерк не читаешь, а пьешь, как вино, и дичаешь вместе с цыганенком Гэто», – писали в 1951 году в ежемесячнике «Дело».

И.А. Бунин, получив сообщение о смерти Пантелеймонова, в одном из своих писем сообщил: «Я так плакал, как давно, давно не плакал. Я только теперь узнал, как я любил его!»⁸⁴. Последней записью в дневнике 2 мая 1953 года, за несколько месяцев до своей кончины, Бунин написал: «Через некоторое очень малое время меня не будет – и дела, и судьбы всего, всего будут мне неизвестны! И я приобщусь к Финикову, Роговскому, Шмелеву, Пантелеймонову!»⁸⁵.

Они оказались похоронены «по соседству»: в 1950-м – Б.Г. Пантелеймонов, в 1952-м — в ближайшем ряду, совсем рядом, слева – Н.А. Тэффи, а в 1953-м – на следующей «улице», у широкой дорожки, первым – И.А. Бунин. Своей дружбе они остались верны навечно.

Рассказ «Сполохи» – «начало большой вещи, оставшейся на “смертном столике”», как и другие последние рассказы – наполнен философскими размышлениями, глубокой трагичностью жизненных историй. По Пантелеймонову, горечь судьбы уходит, смиренно и спокойно:

«И разве мы случайны в мире? Свежий воздух и раскрытое после грозы окно, дыханье цветка, радостное утро, дружба. Прекраснодушная улыбка собаки. Жура-журавель пляшет на лугу. Смеясь от холодной воды, купальщик выскакивает на берег. Восходит солнце.

И любовь. Радостная суть земли. Каждый светлый миг жизни – любовь. Божественная власть ее окружить все головы ореолом»⁸⁶.

О литературном таланте Б.Г. Пантелеймонова знали не только во Франции и Америке. В письме С.К. Маковскому 3 августа 1947 года Борис Григорьевич пишет:

«Представьте, книжка уже почти вся разошлась. Выписали для Африки, для Америки и в особенности Канада. Там мне подвезло. Меня нашел мой учитель русского языка по гимназии, значит, знал меня почти 45 лет назад. Когда мы снова познакомились, то он прислал мне чрезвычайно лестное письмо и востребовал сразу 100 экземпляров, так как во всех школах для русского языка и русских – “Зеленый шум” введен для чтения».

Упоминаются письма из Парижа, Нью-Йорка, Африки, Бельгии: «Вообще у меня уже коллекция писем от значительных лиц и такое содержание, что если бы не 60 – голова закружилась бы. Удивительно, что даже Г.В. Адамович почувствовал. Я думал, что от Муромцева до Монпарнаса дорога чересчур далека. Еще раз спасибо Вам за помощь.

⁸³ Из письма И.А. Бунина — Б.Г. Пантелеймонову от 12 января 1948 года // И.А. Бунин. Полное собрание сочинений в XIII томах. М., 2006. Т. 13. С. 186.

⁸⁴ Крылов А. Последний классик. // Российские вести, № 135 (1555), от 20.09.2000, с.12-13.

⁸⁵ Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. М., 2006. С. 232.

⁸⁶ Пантелеймонов Б.Г. Эссеистог // Дело. Сан-Франциско, 1951. № 3.

Внешне книга тоже всем нравится. Типография преподнесла мне два экземпляра “люкс”. Книга выглядит огромной, толстой»⁸⁷.

В России первым опубликованным произведением Пантелеймонова стал рассказ «Беглый», подготовленный к печати В.В. Лавровым, советским литературоведом, писателем, автором более двадцати книг, в том числе о творчестве И.А. Бунина, судьбах русской эмиграции. Известный литературовед Ив. Тхоржевский отмечал: «Борис Пантелеймонов – яркий, сочный талант, со своеобразным подходом к жизни, остро-выразительным “сибирским” языком. Его рассказ “Беглый” по силе производимого впечатления – одна из лучших вещей, появившихся на русском языке (да и только ли на русском?) за последние годы. Рассказано изумительно»⁸⁸.

Из рецензии Н.А. Тэффи: «Чудесен быт таёжный, с его путевыми приметам, как пробраться, чтобы не сбиться, как уберечься от зверя, от лихого беглого варнака. Идешь вместе с охотником и чувствуешь, как овладевает им тайна тайги, как хочет он “проникнуться лесом, слиться с ним, как вот этот червяк, лежащий в ладони листа березы”».

Рассказывается встреча с беглым. Двое их в лесу, и каждый другому не верит, и каждый другого боится. Но живут тесной общей жизнью, делят пополам последний кусочек хлеба, переживают страшный лесной пожар. И чувствуют друг друга душой. Природа и два человека, два близких. И вот открывается, что каторжник “верит в доброту жизни”. И когда оба обречены на гибель, беглый преступник жертвует собой для спасения товарища».

Первая книга автора – «Приключения дяди Володи» – вышла в России в 1992 году в издательстве «Русская книга» при участии Станислава Степановича Никоненко, журналиста, литературоведа, прозаика, поэта, сценариста, переводчика, члена Московского союза литераторов. В последующие годы им опубликовано несколько статей о Борисе Григорьевиче. В объемном издании Российской академии наук «Литературная энциклопедия русского зарубежья» в разделе «Писатели русского зарубежья» размещена статья С.С. Никоненко о Б.Г. Пантелеймонове, которая заканчивается ссылкой на мнение современника, о том, что «во всей новейшей русской литературе не было столь увлекательного и столь христианского рассказа, считая со времени появления “Хозяина и Работника” Л.Н. Толстого и до наших дней, как “Беглый” Бориса Пантелеймонова». Исследователь делает следующий вывод: «Рассказ этот о беглом каторжнике, спасшем ценой собственной жизни поверившего в него человека, служит как бы квинтэссенцией убеждений и устремлений Пантелеймонова, полагавшего, что именно доброта и вера спасут мир, что любой человек – добр, что добро порождает добро»⁸⁹.

⁸⁷ РГАЛИ, ф. 5212, оп. 1, ед.хр. 363, л. 2–2об.

⁸⁸ Москва, 1991. № 11. С. 75.

⁸⁹ Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М., 1997. С. 305.

В 2004 году продолжилось «возращение» Б.Г. Пантелеймонова к российскому читателю. В журнале «Кентавр. Исторический бестселлер»⁹⁰ впервые опубликована повесть «Менделеев».

Подчеркивая мастерство, неожиданность и непринужденность художественных приемов Пантелеймонова, Леонид Галич также отметил короткий рассказ «Родная дорога»: «Написав этот неповторимый рассказ, Пантелеймонов ввел себя и свою пантелеймоновскую манеру во все будущие хрестоматии. Такого мастерства в передаче читателю теплых трепетовполуприродной, получеловеческой жизни не было еще в нашей литературе»⁹¹. По воспоминаниям Н.А. Тэффи, этот маленький рассказ ее, «внимательно следившую за каждой его строчкой, даже удивил. А Бунин, сказал автору: “Не стоит писать такие вещи. Кто их оценит по-настоящему! Многие ли?”»⁹².

Лирический герой рассказа колесит по осенней «кондовой Руси» – «плодовитой, хмельной, разгульной», через «лески, перелески, поля, желтое жниво, скошенный луг, стога, зеленые скаты холмов, в изумрудах озимые»⁹³. Знакомая картина: «В грядках торчат высокие черные прутья, перепутанные засохшим горохом, валяется завядшая ботва моркови и репы, выступают из земли одервенелые кочерыжки срезанной капусты, стволы обезглавленных подсолнухов, на одной грядке еще желтеют огурцы, выглядывая из-под шершавых зубчатых листьев». Сюжетные зарисовки, сочные краски, создают полотно мастера. Фактурные детали позволяют ярко увидеть происходящее: «десять раз обглоданная кость», «Золушка – в белой холщовой рубашке, смешные косички, вся в веснушках, глаза кипучая синь», «волос... льняной, нос пуговкой», «замирает, боясь пошевелинуться, – обрадованное лаской животное», «дрянная лошаденка, прикрыта наполовину дырявой рогожей»... Через подобные образы-символы мы познаем свое родное.

Надежда Александровна Тэффи писала:

«Возьмите двадцать строк из любого его рассказа – описание природы, размышления, диалог – не спутаете ни с кем». «Почти вся книга посвящена Сибири. Не новой, не старой, а вечной, с её лесами, реками, таёжными зверями и птицами. Живая Сибирь.

...Лад (не люблю слова “стиль”) у Пантелеймонова свой особый. Своя напевность. Иногда кажется она неправильной, может быть, оттого, что необычна. Но ясно, что сделано так не по небрежности, а сознательно. Вот в одной фразе три времени. Прошое, настоящее и будущее: “Я не обратил внимания, что Алексей делает знаки, и закричу радостно”.

Первые два разновременных глагола еще могут быть вместе, но третий выпадает из плана времени. ...Однако чувствуется, что автор на этом

⁹⁰Пантелеймонов Б. Менделеев: повесть / И. Сургучев. Детство императора: повесть / М.: Подвиг, 2004. 256 с.: ил. - Кентавр. Исторический бестселлер; № 4 (литературный редактор — писатель В. Крапивин).

⁹¹ Галич Л. Как и каким увидел я Пантелеймонова // Дело. Сан-Франциско, 1951. № 3. С. 20.

⁹² Тэффи Н.А. Мой друг Борис Пантелеймонов // Тэффи Н.А. Смешное в печальном. М., 1992. С. 480.

⁹³ Пантелеймонов Б. Родная дорога // Зеленый шум. Париж, 1947. С. 233–237.

настаивает, ища новых форм»⁹⁴.

После выхода последней прижизненной книги «Золотое число» Н.А. Тэффи подвела некоторые итоги:

«Критики всех направлений и всех настроений отметили его исключительными похвалами. Много было серьезных споров о его стиле, чрезвычайно своеобразном. Но все разногласия примирялись на одном общем мнении: талантлив необычайно... Он уже занял место в первых рядах не зарубежной, а нашей большой русской литературы»⁹⁵.

Секретарь И.А. Бунина А.В. Бахрах вспоминал, что «Пантелеймонов никому не давал посягать на свою весьма вольную и даже разнузданную грамматику, сохраняя в целостности свои “восхитительные непотребства”».

Профессор П.М. Бицилли писал: «Пантелеймонов чувствует внутреннюю форму слова, как это есть у Гоголя и Толстого. Есть у него еще "фразы-периоды", гроздя нескольких структурно-разнородных "самостоятельных" фраз – так тоже и у Толстого, у Ремизова, у Шолохова: это-то и способствует тому, что каждая отдельная фраза в данной "грозди" воспринимается не как суждение, а как образ-символ, как одно слово. А это ведь и есть условие художественности речи, ее поэтичности...»⁹⁶.

Анализируя стиль Пантелеймонова, ученый утверждал: «...Нет ни одной строчки, которой учитель “словесности” не подчеркнул бы красным карандашом.

Раз так, то почему эти вещи нас очаровывают? Почему нам кажется, что мы путешествовали с дядей Володей на “Святом Владимире”? Почему не только дядя Володя, но и обезьяна Васька и даже Святое озеро живут — в буквальном смысле этого слова – в нашем сознании? Именно потому, что они так описаны. Автор ни о чем не повествует, ничего не объясняет, только – показывает»⁹⁷.

«В творчестве Бориса Пантелеймонова слышны отголоски то Бунина, то Ремизова, то Мамина-Сибиряка, то Пришвина. Но это только отголоски. За всем тем – Пантелеймонов самостоятельный, оригинальный художник, со своим ощущением жизни, – писал литературный критик В. Завалишин. – ...Пантелеймонов умеет быть увлекательным. Прозрачность и ясность рисунка его рассказов, необычные художественные образы, это качества Пантелеймонова, как писателя»⁹⁸.

Читать произведения Бориса Григорьевича легко – увлекает сюжетная линия, манит переплетение звуков. Слово кружевные узоры, возникают переливчатые интонации авторской речи. Чарует эмоциональность текста, неповторимая чеканность, изысканная обоснованность каждого слова, отточенность фраз.

⁹⁴ Тэффи Н.А. «Зеленый шум». // Новоселье. Нью-Йорк — Париж. 1948. № 37–38. С. 141.

⁹⁵ Тэффи Н.А. «Золотое число». // Новоселье». Нью-Йорк — Париж. 1950. № 42–44. С. 224.

⁹⁶ Бицилли П.М. // Пантелеймонов Б. «Зеленый шум». Отзывы печати. Нью-Йорк, 1948. С. 3.

⁹⁷ Бицилли П.М. Заметки о стиле Пантелеймонова // Новоселье. Нью-Йорк — Париж, 1949. № 39–41. С. 199.

⁹⁸ Завалишин В. Б. Пантелеймонов. Последняя книга. Изд-во Им. Чехова. Нью-Йорк. 1952 г. // Новый Журнал. Нью-Йорк. 1953. Кн. XXXIII. С. 317.

Приглашаем к чтению, открытию творчества, прикосновению к трогательному и чуткому миру автора.